

2019

**АЛК
ОНО
СТЬ**

Москва

Ольга Нечаева / 3

Мария Тиматкова / 21

Алексей Тиматков / 41

Владислав Колчигин / 54

Андрей Чемоданов / 73

Всеволод Константинов / 91

Евгений Лесин / 108

Павел Белицкий / 126

Ян Шенкман / 140

Михаил Свищёв / 151

Виталина Тхоржевская / 166

Александр Переверзин / 182

Ната Сучкова / 197

Анна Логвинова / 207

Марина Мурсалова / 225

2019

УДК 821.161.1-1 Алконость
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
А50

Алконость 2019

А50 Альманах. Вып. 51. / Ред. О. Нечаева; творческое объединение «Алконость». – М.: Воймега, 2020. – 240 с.

ISBN 978-5-6043511-5-4

Эта книга издана к 30-летию альманаха «Алконость», первый номер которого вышел 15 декабря 1989 года. «Алконость» основали Наталья Перова и Ольга Нечаева, первоначально это был самиздатский журнал, затем вокруг него сложилось одноимённое творческое объединение. Юбилейный выпуск составили подборки избранных стихотворений постоянных участников альманаха, они представлены в том порядке, в каком их авторы присоединялись к «Алконосту».

ISBN 978-5-6043511-5-4

© Авторы материалов; 2020
© С. Труханов, наследники, дизайн; 2020
© «Алконость»; 2020

Ольга Нечаева

* * *

Город припилен к пространству огромной булавкой.
Город, построенный между асфальтом и небом.
Медленно тянется очередь в винную лавку,
Пахнет прокисшим вином и отравленным хлебом.

В городе вечных дождей не кончается лето,
Шорох вечерних газет расплывается в дыме.
Тысячелетья назад мы построили это —
Город, где мы никогда не умрём молодыми.

* * *

а ещё расскажи что бывают различные звери
в основном за решёткой где их не погладишь рукою
не прижмёшься щекой к нерасчёсанной шерсти ведь когти
наготове и острые вот и живут за решёткой

а крылатые знают летать и летают по небу
и летят высоко а вот мы не умеем не можем
разве только мы станем как дым впрочем это возможно
ничего невозможного нет но не надо о грустном

а ещё есть такие какие живут в океане
шевелият плавниками не думают помнить о солнце
но плывут в глубине раскрывая великие тайны
а по суше не ходят на суше им скучно и смертно

их великое множество я имена не припомню
им понятнее речи простой человеческий выстрел
всё летят и бегут и плывут и о нас позабудут
может мы не нужны может быть только очень обидно

вот и твой невермор прилетел постучаться в окошко

Стихи о Пессоа

30 ноября

Владу Колчигину

Создай чужую жизнь, возрасти чужую смерть и будь самим собой.
Каким бы языком ты ни владел, тебе не одолеть прибой.

На краешке земли, где бьётся океан в пустые берега,
Смотри — уходит вдаль поднявший паруса торжественный фрегат.

Так что с того, что ты не разбираешь слов, не знаешь языка,
Рассеянно и зло в усталом кулаке сжимаешь горсть песка?

Куда б ни завела тебя родная речь — незрячий поводырь, —
Там всё кусты и пни, да чахлая трава, да выжженный пустырь.

Играть в чужую жизнь — что жить в чужой игре; не ведая имён,
Ты всё спешишь на зов туда, где тих и пуст прозрачный Лиссабон.

В исходе ноября ты тени соберёшь за праздничным столом;
Их много у тебя, но обойдётся смерть единственным числом.

Стекает по стеклу дешёвенький портвейн — опорожни стакан
За португальский бред, неведомый язык, шумящий океан.

•

В небе лежит золотая луна,
Словно монета.
Не захлебнись, погружаясь до дна
В запахи лета.

Вьётся неспешно трёхсложный размер,
Мерный, привычный,
И отзывается музыкой сфер,
Голосом птичьим.

Мне бы кружиться, под нос бормотать
Медленный вальсик.
Я ничего не умею сказать
По-португальски,

Кроме того, что тобою... Да ну,
Это словечки.
Видишь, как тучи уносят луну? —
Словно колечко.

Праздник так праздник. Июнь, благодать,
Водка, закуски.
Я ничего не умею сказать
Даже по-русски.

Кто там поёт далеко-далеко?
Жизнь моя, ты ли?
Может, жилось нам когда-то легко,
Да позабыли.

•

Офелия, плыви и пой,
Офелия, по дну бреди,
Офелия, дыши водой
и береги её в груди.

Офелия, какой Шекспир,
какая Дания, очнись,
ты видишь — изменился мир,
вокруг тебя другая жизнь.

Офелия — иной сюжет,
чужая местность, век не тот.
Ноябрь почти сошёл на нет,
который день всё тот же год.

Офелия, какой язык,
когда ты попросту нема,

зажми во рту ладонью крик,
молчи и не сходи с ума.

Все умерли — а ты жива,
все вышли — ты осталась здесь.
Во рту — вода, вино, слова.
И ты глотаешь эту смесь.

•

Что будет завтра, я не знаю,
Ведь это будет не со мною,
Ведь ни слезами, ни водою
Твоё лицо я не умою.

Гляди, гляди, зима начнётся.
Дыши, дыши ровней и тише.
Не говори, не спорь со мною...
Кто бродит в темноте по крыше?
Кто трогает меня за горло?
Твоя рука мне слёзы стёрла.

Скажи, что будет завтра, ну же,
Скажи скорее, я не слышу.

* * *

проходят дни пройдут года
махни рукою
кричат вороны никогда
над головою

а жизнь осмыслена на треть
а то на четверть
но ветер в сердце сеет смерть
и кто-то вертит

ключом в заржавленном замке
скрипит дверями
и входит пряча в кулаке
худое пламя

а ты торопишься успеть
ещё немножко
хотя бы звёзды разглядеть
в слепом окошке

и видишь косогор жнивьё
овраг дубрава
над головою вороньё
кричит картаво

ложится небо как платок
тебе на плечи
какой же ворон не знаток
английской речи

* * *

Покуда мы живы и водка не стала водой,
Пока не разменян последний заветный пятак,
Все беды и горести нас обойдут стороной,
Хотя не сложилось и вышло не то и не так.

Приёмник на кухне бормочет о новой войне,
Шипит и пугает, египетской казнью грозит.
Заткни ему рот и давай посидим в тишине,
А то не услышим, как время по венам скользит.

Растёт расстояние — рукою уже не достать.
Сгущаются сумерки — я не увижу лица.
А память ложится на сердце моё, как печать,
Уводит меня и пребудет со мной до конца.

* * *

Вот моё ремесло: всё слова да слова,
Не крестом вышивать, не плести кружева,
Не иголку сжимать в онемевшей руке —
Но шептать-бормотать на родном языке.

.....

Я почти научилась писать по воде,
Отворять ворота подходящей беде.
Ни о чём не печалься и счастья не жди.
Над моей головой целый месяц дожди
Барабанят по чёрному небу зонта.
Из кривого, но крепко пришитого рта
Вылетают слова и ложатся в тетрадь.
Так больной человечек вползает в кровать
И лепечет: умру. Он покорен и слаб.
За душою маячит седой эскулап.

.....

А характер — что почерк — с годами скверней,
Да осеннее небо темней и темней.

* * *

Две монетки — положить на глаза,
А ещё одну — зажать в кулаке,
Чтобы лодка не спеша проползла
По туманной заповедной реке.

Что-то берег больно зелен и крут.
Две монетки — да и те отберут.
А последнюю — как спрячешь во рту,
Не отыщут никогда, не найдут.

* * *

Не удержать в себе имени и судьбы —
Всё протекает сквозь жадное решето.
Что же теперь жалеть: если бы да кабы...
Вот и выходит всё как-то не так, не то.

Чувствуешь, как следит неутомимый глаз?
Слышишь небесный хор или вороний грай?
Кто-то сближает нас, соединяет нас,
Кто-то сшивает нас, наскоро, через край.

Пятками по стеклу и головой об лёд —
Только б прорваться сквозь, выйти на белый свет.
Кто же сшивает нас? Ты погляди, снуёт
В божьей руке игла. Только вот нитки нет.

Вышивание передника

Как время медленно идёт!
Со мною нет тебя.

Вот колокол на башне бьёт.
Со мною нет тебя.

Бушует вьюга за окном,
И засыпает сонный дом.
Со мною нет тебя.

Сегодня был морозный день.
Со мною нет тебя.

С утра одолевала лень.
Со мною нет тебя.

Забот по дому полон рот,
А лягу спать — и сон нейдёт.
Со мною нет тебя.

Слегка дрожит игла в руке.
Со мною нет тебя.
Слеза сползает по щеке.
Со мною нет тебя.

Но стук в ворота... Шум и гам...
Случайный гость явился к нам.
Со мною нет тебя.

Огонь пожарче разожгу.
Со мною нет тебя.
Присядь же, путник, к очагу.
Со мною нет тебя.
Я поднесла стакан вина —
Он осушил его до дна.
Со мною нет тебя.

Пурга визжала за стеной.
Со мною нет тебя.
Он наклонился надо мной.
Со мною нет тебя.
Мне руку положил на грудь.
Ах, помогите кто-нибудь!
Со мною нет тебя.

А он к устам моим приник
(Со мною нет тебя)
И оборвал невнятный крик.
Со мною нет тебя.
Усы кололи губы мне,
Метались тени на стене.
Со мною нет тебя.

Молчала я, и он молчал.
Со мною нет тебя.
Мороз за окнами крепчал.
Со мною нет тебя.
Заснула я, и он заснул,
Когда рассвет в окне блеснул.
Со мною нет тебя.

Проснулась я — опять одна.
Со мною нет тебя.
Постель пуста и холодна.
Со мною нет тебя.

И лишь далёкий стук копыт
Печально по ветру летит.
Со мною нет тебя.

И снова я сажусь к окну.
Со мною нет тебя.
Над рукодельем шею гну.
Со мною нет тебя.

Я мужа жду, как ждать должна
Любая верная жена.
Со мною нет тебя.

* * *

В кулаке шевелится, щекочет,
Жёсткими надкрыльями поводит,
В тесноте мечтает о свободе
И привыкнуть к темноте не хочет.

Ах ты, насекомое созданье,
Маленькая жизнь! Ну что, лети же!
Подношу кулак к губам поближе,
Бормочу смешное заклинанье:

«Ах, зверушка, божия коровка,
Поспеши, скорей лети на небо,
Принеси горячего мне хлеба...»
А вот счастья попросить неловко...

Как она рванёт во все опорки!
В чистом небе лёгкой точкой станет.
Не заметит, как меня обманет:
Не пришлёт мне и горелой корки.

Нет ни крошки, но осталось это
Затяжное, выцветшее лето
Пошуршать листвой над головою,
Лечь под ноги высохшей травю.

К родной речи

дрожит моя рука горит моя звезда
но вот никто ещё не говорит со мной
куда ни посылай я всё приду сюда
не те слова не те порядок их иной

диктуй диктуй диктуй держи меня в руке
как ручку выводи невнятные слова
не оставляй меня запрячешь в уголке
забудешь впопыхах а я опять жива

я все твои слова я весь твой алфавит
голосовая щель заполнена тобой
горит моя звезда рука моя дрожит
но вот уже никто не говорит со мной

* * *

Допустим, как поэт во мне не помер,
Того гляди, какой отколет номер,
Того гляди заявится в ночи:
Так, мол, твердит, положено поэту.
А там пойдёт себе искать по свету,
Где обронил пенсне или ключи.

Допустим, как поэт умру не вся я
И часть меня останется живая.
Но что придётся делать с ней теперь?
Смотри: ни то ни сё, ни рук, ни ножек,
Не схватит рюмку, не удержит ножик,
Не выглянет в окно, не выйдет в дверь.

Так что поделать? Ничего не ново.
Привычка прицеплять за словом слово,
Тяжёлым колесом катить вперёд.
Вот я — ещё с руками и ногами —
Болтаюсь меж землёй и небесами
И бестолково разеваю рот.

* * *

Так темно, но не добудешь огня.
И на сердце тяжело-нелегко.
Улетает жизнь моя от меня,
Улетает далеко-далеко.

Не отыщешь ни воды ключевой
Или водки, чтобы выпить до дна.
Не осталось у меня ничего,
Кроме смерти. Да и эта — одна.

Нет мне воздуха прощанье сказать,
Нет мне времени рукою махнуть.
Мне положено остаться лежать,
А хотелось бы отправиться в путь.

И за жизнью я вослед поспешу,
Тёмной тенью проползу по земле,
В телефонных проводах прошуршу —
Да и сгину в наступающей мгле.

* * *

память не вечна когда-нибудь всё позабудет
было ли не было нам-то забота какая
если обещано времени больше не будет
и улетает твоя разноцветная стая

шрамы затянет и станет нисколько не страшно
канет в пустые глазницы случайное семя
стеблем вернётся смотреть как легко бесшабашно
вдаль убегает спешит неуёмное время

нет языка но терзает фантомное слово
бьётся о зубы и просится выйти наружу
что ж отпусти не отпустишь не будет другого
пусть погуляет пусти его в зимнюю стужу

* * *

нет ничего что можно потерять
нет ничего что можно обрести
в бесплодной жизни век мне вековать
измятыми бумагами трясти

читать чужие дивные слова
считать ворон в облезлых небесах
прислушиваться как растёт трава
но слышать только тиканье в часах

течёт вода меж пальцев так легко
не замечая никаких плотин
подумаешь до смерти далеко
но смерть одна и ты совсем один

потеряно посеяно в пыли
не вырастет не обретёшь назад
все вышли утонули корабли
остался длинный перечень утрат

* * *

В пыли и скалах под очень чистым небесным сводом
Паучий город раскинул сети и ловит море.
Вот над прибором стоит пришелец, глядит на воду:
В движеньях нега, в зубах окуроч, тоска во взоре.

Хрестоматийно белеет парус, и ветер свищет,
И мачта гнётся, и как ей гнуться не надоело...
Вздыхни свободней, шагни подальше — никто не сыщет,
Да как отыщешь в таком просторе чужое тело?

Но будет биться вот здесь, левее, пониже горла
Солёный, влажный комок, и будет сочиться алым,
И не отпустит тебя, какая б волна ни стёрла
Твой след на этих спокойных, твёрдых, надёжных скалах.

Следи устало за сменой красок, игрою линий.
Сядь поудобней и подбородок уткни в колени
И равнодушно гляди за море, туда, где синий
С лазурным цветом, сходясь, теряют свои оттенки.

* * *

Как мечтаю я порою, сидя над черновиком,
что тетрадь свою открою — всё изменится кругом:
райской музыкою грянет то, что скрыто в тишине,
и через плечо заглянет ангел и подскажет мне
главные слова... Так нет же: слышу шёпот за спиной,
словно кто-то сумасшедший причитает надо мной:

*Смерть стоит у поворота, улыбаясь желторото,
щас тебя себе возьмёт и до сердца загрызёт.*

В черновой моей тетради ничего не разобрать.
Уходи ты, бога ради, что затеял причитать?
Ты стараешься напрасно, что ты хочешь, отвяжись!
Я-то знаю, как прекрасна эта грёбаная жизнь,
как прекрасна, бесконечна, и щедра, и весела,
я стараюсь жить беспечно, мне судьба не тяжела!
Что ты смотришь bestолково, слышишь, что я говорю?
Ну а он заводит снова бормоталочку свою:

*Смерть стоит у поворота, улыбаясь желторото,
щас тебя себе возьмёт и до сердца загрызёт.*

Уходи, ведь я не верю колдовским твоим словам,
вон туда ступай, за двери, ничего тебе не дам!
Что талдычишь ты упорно, — истерично я кричу, —
я к твоей затее чёрной прикасаться не хочу!
Наконец он умолкает, исчезает не спеша,
постепенно притихает вывернутая душа,

вот и снова я готова слушать ангельский напев,
подбираю к слову слово и читаю, обомлев:

*Смерть стоит у поворота, улыбаясь желторото,
щас тебя себе возьмёт и до сердца загрызёт.*

* * *

Вышел в люди – никого не нашёл
И отправился вперёд наобум.
Там поспешно накрывали на стол
И устраивали праздничный шум.

Оказался там не узнан, не зван,
Не татарин – так, седьмая вода.
И был вылит в подходящий стакан.
И был выплеснут затем в никуда.

И потёк по бесконечной стране,
Кровной каплей стал в её родниках,
Но она не покраснела и не
Удержала незнакомца в руках.

Так и плыл себе – чужак чужаком,
Размышлял о неудачной судьбе,
Выпадал из поднебесья дождём,
Тарахтел по водосточной трубе.

Ну а высох – и пропал без следа,
Не остался даже грязным пятном.
А бескрайняя страна никогда
Ничего не вспоминала о нём.

* * *

вот так выходишь на дорогу
а там лежит твоя земля
она не то что внемлет богу
но хоть бы не ответит бя

а мы живём в своих палатах
как будто вовсе и не тут
как будто ангелы в халатах
вовек за нами не придут

прекрасно всё что ни случится
путь ясен небосвод высок
заткнись же внутренняя птица
и клювом не стучи в висок

* * *

они со мною говорят
на незнакомом языке
они выходят на парад
сжимают дудочку в руке

они со мною говорят
но я не знаю их пароль
я отвечаю невпопад
я не выигралась в эту роль

пустое небо надо мной
закручивается в спираль
автомобильчик заводной
уехал в сказочную даль

там хорошо там виноград
растёт а то и апельсин
они со мною говорят
но я не отвечаю им

Из старых песен о родине

Памяти Сергея Труханова

1

Много было песен
У моей земли.
Расцветали груши,
Яблони цвели.

Что ты ноешь, сердце?
Разве ты забыло,
Как Катюша пела,
На берег ходила?

Был я пограничник,
Стал я хулиган,
Гнали меня по миру
Ветер и туман.

И пылил по свету
Я не чуя ног,
Но тебя, Катюша,
Я любил как мог.

Ах, Катюша-Катя,
Быстрая река!
Променяла парня
На политрука.

Но не надо, Катенька,
Вспоминать о нём.
Под кустом ракитовым
Спит он вечным сном.

Мне сказал он только,
Сдавленно дыша,
Что была Катюша
Ой как хороша.

Это правда, Катя, —
Как ты хороша!
Нет тебе подарка,
Окромя ножа.

Расцветает роза
На груди твоей.
Нет цветка нежнее,
Нет любви верней!

Что ты там сказала
Мне на берегу?
Что родную землю
Я не берегу?

Разве был кто с нею
Бережней, чем я?
Не пахал, не сеял,
Не топтал жнивья,

Рыл могилы — так, чтоб
Не задеть корней.
Но таскал на сапогах,
Звал её своей.

Клёны и осины
Знал по именам,
А теперь навеки
Стану ею сам.

С берега крутого —
Не было и нет,
И за мной осыплется
Яблоневый цвет.

Расцветали груши,
Яблони цвели.
Нету песни лучше
У моей земли.

помнишь когда-то диг-диги-ду
пела циркачка в небо уйду
пела летела и при луне
нынче мерещится мне

помнишь такое было кино
чёрное белое очень давно
дружба народов братство навек
ах как дышал человек

в ровном биенье дружных сердец
каждый друг другу брат и отец
каждый друг другу мать и жена
пела большая страна

ах как с экрана песня неслась
как нас любила советская власть
строила стригла к счастью гнала
в чёрную землю клала

но посмотри как славно летит
глупая девка прямо в зенит
что же давай-ка ей подпоём
в небо уйдём

Ольга Нечаева родилась в Москве в 1971 году. Окончила Литературный институт, десять лет преподавала в нём. В 1989 году вместе с Натальей Перовой основала самиздатский журнал «Алконость», с 1993 года стала его главным редактором и руководителем одноимённого творческого объединения. Печаталась в периодике, автор книги «Птичье молоко» (2004).

Мария Тиматкова

Гармонист

памяти Коли Лукавенко

Понемногу кончается лето,
Розовеет осиновый лист.
Ожерелье дрожащего света
Надевает худой гармонист

И идёт по деревне враскачку –
Лоботряс, гольтьба.
Мнёт пустую табачную пачку –
Покурить не судьба.

И заходит к своячнику, к тестю,
К братану и к подруге жены.
И ему наливают – известно,
Гармонисты нужны.

Он садится на синюю лавку,
Раскрывает сырую гармонь
И такую пускает затравку,
Что по жилам огонь.

И качается вместе с осиной,
И с оленем бежит от ружья.
И такая в гармонике сила,
Что сидят не жуя

Эти Васи, и Тоси, и Паши,
Эти Розы и Львы
Над тарелками гречневой каши
Вдалеке от культурной Москвы,

На краю уходящего лета,
За накрытым клеёнкой столом.
Будто ангел дрожащего света
Осенил их крылом.

Новогоднее

НГ. Достать коньяк и плакать.
Писать о старом гэ навзрыд.
Пока все спят, посудой брякать
(Поставят завтра мне на вид).

Достать горилку за шесть гривен.
Через благовест, чрез клик колёс
Перенестись туда, где ливень,
Что ливень — рвота и понос.

Лунный цикл

Дайте мне дитя человеческое в себе понести —
На короткие тёплые две недели;
Без последствий и без ответственности,
Без вреда для здоровья и без идеи.

Повалиться на облаке в акварели,
Пока не очухались менестрели.

А потом — поссориться с животом,
В смысле — с жизнью. И стать пустой.
Яловой. И дружить с головой.
На другие короткие две недели.
На холодные две недели.

Ква

А я раскачиваю слово,
Пока оно не квакнет снова,
Пока оно не заболит,
Не превратится в хризолит.

А я раскачиваю лодку,
Накручиваю папильотку,
Играю в длинные слова,
Пренебрегаю словом «ква».

Мне надо прятаться от мести:
Мы слишком долго были вместе,
Мы слишком разные теперь,
У нас перекосило дверь.

И гром ударов нас пугает,
И грозный папа нас ругает,
А я трясу свои слова,
Пока не выйдет волшебства.

* * *

...Но нет любви. Ну нет её во мне,
Когда листва качается во сне,
Когда фонарщик зажигает звёзды,
Когда губами ловит рыба воздух,
Когда кладу в корзинку крендельки,
Когда гудок послышится с реки
И расползётся в тающем тумане;
Когда ключи отыщутся в кармане.

...И без любви, вооружась ключом,
Пытаюсь дверь открыть в закрытый дом.

Друзья

И я опираюсь на слово,
На шаткий встаю табурет.
И слово поможет мне снова,
Хотя мне помощников нет.

Нет, есть, но они рукокрылы,
На них опираться нельзя.
А слово прибавит мне силы,
Напомнит: друзья.

Сентябрь

Вязнуть в осени, в янтаре.
Называть осенние краски,
Растекаться по древу сказки
Мёдом, собранным в сентябре,

Нанизать на грубую нить
Горстку ягод рябины светлой,
От Ирвайна и до Сиэтла
По горам на байдарке плыть.

Плыли медленно. На лучах
Пропылившихся застревали.
И как будто чего-то ждали,
Трепетали в чужих сетях.

А доплыли – и будто зря:
Сделать то, переделать это,
Будто нету на свете света,
Будто не было сентября.

* * *

Мир надо выслушивать.
Как больного – рожком,
Как лотерейный билет,
Как дорогу в час пик.

Осмысленность мира
Проходит бочком-бочком:
Сдвинулось, стронулось, вроде пошло –
Нет, опять тупик.

Привычно стою в тупике,
Шевеля хвостом,
Поводя ушами,
Усами чую беду.

Быть ухом. Быть только слухом.
Чистым листом.
Быть каплей смысла
В шумном дневном бреду.

Память

А когда подойдут абрикосы в саду,
Начинаются вдруг чудеса:
Баба Тося приходит: «Не спи, украду!»
Дед Матвей открывает глаза.

А я рву абрикосы и кости плюю,
Никому не желаю добра.
Деревянную нежную руку твою
Я ломаю – такая игра.

* * *

Не слушай сны. Не говори со снами,
А просто оставайся, мальчик, с нами,
На нашей, мальчик, радиоволне.
Не слушай то, что слышно в тишине.

* * *

Что-то страшное происходит с тобой, моя девочка:
Тебе перестали нравиться подорожники,
И в синем ветре парашют одуванчика
Хоть раскрывается, но не несёт твоей тяжести.

Ты помнишь пылинки на оконной раме?
Их больше нет, потому что квартиру продали.
Ты помнишь мягкие листья тополя?
Ты помнишь, как сбила тебя машина?

Это было летним октябрьским утром, тринадцатого,
Было очень больно, но ты не плакала.
И вот теперь, спустя десять лет, – что-то страшное...
Ну присядь, ну взгляни на лист подорожника.

Весна

Самолёт и луна разлетаются в разные стороны.
Я, схватившись за руль, уношусь по шоссе в третью.
Всех троих заскорузлый старик ловит высохшей сетью.

Никуда не уйти от рыбацкой сети ни царице-Селене,
Ни крылатому лайнеру, что ж говорить обо мне.
Между тем на далёкой планете у края вселенной
Я несусь по шоссе, приближаясь к пришедшей весне.

* * *

В детстве ты просто следуешь,
Не планируешь, не заведешь;
Идешь за тем, кто крошки клюёт,
Бежишь за тем, кто тебя позовёт:
За мячиком разноцветным,
За облаком безответным,
За гусеницей, за бульдожкой;
За безымянной кошкой
Следуешь к дырке в подвал.

Так и приходишь туда, где провал, —
Незачем, да и некуда.
Весь мир — как одна молекула.
Стоишь посреди, огорошенный,
Брошенный.
Помоечной кошкой брошенный.

Рассветные чудеса

Есть волшебство в рассветных красках.
Приятно наблюдать рассвет,
Летя, как с горки на салазках,
На службу, в город, на совет
В автомобиле по фривею,
И огонёчки на холмах
Бегут меня встречать, редуют —
И снова прячутся в домах.

Светает. Завиднелись крыши.
Теперь не только огоньки —
Теперь дома меня услышат
И встанут строем у реки.

И особняк викторианский
Не занавеской, а рукой
Крестит меня по-христиански,
Не спрашивая, кто такой.

Въезжаю в город. Гаснут звёзды.
Зелёный отсвет в вышине...
Я и не рано и не поздно.
Никто не помнит обо мне.
А я рождаюсь постепенно,
Подруливая к гаражу,
И вот, как из-за туч Селена,
Как нимфа из прибрежной пены,
Как Буратино из полена,
Я из машины выхожу.

* * *

Осень, острый краешек, тонкая трещина.
Запах донника, запах отчаянья перемешаны.
День, не длинный, не тёплый, грозит закончиться –
Прилетит дождевая ночная конница.

Будет взламывать окна, долбить в подоконники
И под утро возьмёт, возьмёт тебя сонненьким.
Припугнёт подзабытой осенней болью
И уйдёт, сохранив тебе жизнь – но отняв волю.

Утром, острым краешком, тонкой трещиной
Через силу проснёшься в комнате занавешенной,
Через штору почувствуешь серое и бездонное –
К нам пришла прошлогодняя осень, запахло донником.

Снег

От снега я схожу с ума
И превращаюсь в свет.
Неотвратимая зима,
Блестящий пистолет.

Снег будет кружевом кружить
И капать молоком;
Зимой, в снегу, так странно жить,
Что умирать легко.

Снег говорит, что вместе с ним
Я попаду туда,
Где сны смотрели братья Гримм,
Где твёрдая вода.

Снег то затеет предлагать,
А то начнёт грозить;
Он гнёт своё: зачем шагать,
Когда пора скользить.

Заворожит, запорошит,
Засыплет, занесёт...
А я всё жду — научит жить,
А я всё жду — спасёт.

Поверить снегу или нет —
Не знаю я сама,
Но мне блестящий пистолет
Суёт под нос зима.

Он в нижнем ящике лежит,
В комод, под бельём,
Стальной снежок, и моя жизнь
Сидит как пуля в нём.

От снега я схожу с ума
И превращаюсь в свет.
Неотвратимая зима
Наводит пистолет.

Старуха

Собрала первоклашка
Соседу по парте букет.
А соседа-то нет.
И самой первоклашки –
Очнуться – не станет тоже.
На старуху похожа.

В чёрном платке,
Заколотом на булавку,
Пришла посидеть
К своему старику
На его лавку.

Помидоры и огурцы,
Как и прежде,
Растут на грядках.
Жизнь, как прежде,
Непостижима в своих загадках:

Почему не любила его так сильно,
Когда он был мальчиком?
Не ответить, умом не осилить;
Не попасть в пятно на стене
Разноцветным мячиком.

Почему, пока он был жив,
Не была так близко к нему,
Как сейчас, на его могиле?
Руки на платье,
Как в школе бывало, сложив,
Шевелением губ
Облегчает работу уму –
Но умом не осилить.

Так шарахнуло смертью его,
Как мячом по окну,
Как бомбой по крыше;
Размозжило, перевернуло,
Поволокло ко дну –
Ум последний из головы вышел.

И, как девочка
Перед разбитым окном,
Стоит старуха
Перед мужней могилой.
И почти что вся,
С того первого класса, жизнь
Ей кажется дурным сном.
Святой Крепкий!
Как пережить?
Святой Бессмертный!
Займи мне силы.

На Гавайях

В следующий раз мы встретимся на Гавайях.
Ты будешь тонкая, как песок, прозрачная, как вода.
Не унываешь? Я тоже не унываю.
Хоть горло перехватила судорога. Ну да,

Мы с тобой – стойкие оловянные рулевые,
Даже в сильной боли не признаемся даже себе.
Облака гористые, гавайские, кучевые –
Это как расставания в нашей с тобой судьбе.

Я о многом жалею, и больше всего – о людях;
Я жалею о тех, кого не могу спасти.
Но из всех моих мифов, из всех моих детских иллюзий
Выбираю тебя. И сжимаю песок в горсти.

Говорю тебе, мы ещё встретимся, в облаках, на Гавайях,
Говорю тебе, ты для меня как вода,
Как морская, солёная – или как пресная, ключевая,
Говорю тебе, навсегда – не всегда навсегда.

* * *

Закрываю глаза.
Открываю глаза.
Темнота кругом.
Темнота сообщает:
Восемнадцать тридцать...
Добрая темнота.

Скоро придёт с работы мама,
Принесёт на кухню жёлтый свет.
Если выйти на улицу,
Там мокрая темнота с ветром.
Тоже добрая темнота.
С музыкальной школой в середине.

Закрываю глаза.
Открываю глаза.
Темнота кругом.
Темнота сообщает:
Восемнадцать тридцать...
Когда темнота
Перестала быть доброй?

* * *

Поспи под боком у меня – авось прилипнешь.
Не ешь меня; я, может, пригожусь –
Тебе, себе, нарциссам у дорожки,
Да мало ли кому – ещё не знаю;

Ты просто спи под боком у меня
И привыкай к соседке новой в клетке.
Авось не съешь меня, авось всё обойдётся;
Авось прилипнешь.

Сахар

Не снег, а сахар, сахарный песок.
Просыпался под дверь, прилип в прихожей.
На завтрак сахар у меня и на обед.
Я в сахаре живу. А вы не знали?

Хотите – приходите, расскажу,
Как сахар набивается в ботинки,
За шиворот, в звонящий телефон,
В постельное бельё – спи на здоровье.

Не снег, а сахар, сахарный песок.
Кристаллы кулинарной панацеи.
Сверкающий чистейший рафинад.
Пустыня сахара.

* * *

Прикрепляюсь вверх ногами.
Как летучая мышь.
Как лемур.

Учусь ходить по потолку.
Как геккон.
Как таракан.

Логика наоборот:
От моего спокойствия
Успокоится море.

Гравитация наизнанку:
В небо
Пустит корни
Моё дерево.

Лампа-кораблик

Я хочу подарить тебе лампу-кораблик, ночник,
Чтобы ты по ночам, засыпая, на нём уплывал
Под неслышную музыку мимо чернеющих скал
По туманному морю ещё не прочитанных книг.

Заболевшему грустью закаты даются с трудом –
Вдруг кончаются силы и вдруг опускаются руки.
Уходящее солнце напомнит иные разлуки,
И промозглой сиротской тоской наполняется дом.

Я не знаю, спасёт ли тебя мой кораблик, когда
Засверкают прозрачные камушки прежней печали.
Есть ли средство от зимней болезни? Едва ли.
Есть ли верное средство, когда на пороге беда?

Я хочу подарить тебе лампу-кораблик, ночник.

Московское лето

Так незаметно и безгласно
В июне липа отцвела,
Что только пыльная пчела
Была к цветению причастна.

Неуловимую пчелой,
С мелодией почти невнятной
О рощицах, пропахших мятой,
Звенело лето над Москвой.

И золотистая смола
С нагретого ствола стекала.
И где-то птичка горевала
О том, что жизнь её прошла.

* * *

Вдруг показалось – хорошо бы небу
Вручить дорогу, по которой еду,
Чтоб ангел розовый, взглянув на наш автобус,
Задумался о чём-то непростом.

Чтоб тонким пальцем лоб себе погладил,
Нахмурился, на нас с тобою глядя,
И, что-то записав в своей тетради,
Пошёл к начальству с вырванным листом.

* * *

По маленькой мерке мелеет глубокое в прошлом.
На отмели нам остаются осколки и сваи.
Разбитый стакан, почерневшая чайная ложка –
Вот так, протестуя, оно от тебя отступает.

Оно отступает – и всё ж обещает вернуться,
Когда-нибудь, чем-нибудь – гостем, цветком, листопадом.
Но это не скоро – ведь треснуло чайное блюдце.
А прочие вещи застыли и просят пощады.

* * *

Пронзительная боль. Рисунок светлый
Из тонких веток на туманном небе.
Пронзительная боль насквозь продует
Пустой, до времени засохший стебель.
Пронзительная боль. Крючок и петли.
Крючок – не в потолке, в клубке мохера.
Пронзительная боль опять колдует.
И отмеряет доброй полной мерой.
Мерою доброю, утрясённую, нагнетённую и переполненной.

Март в Москве

Зреет влажное солнце над талой горой,
Дозревает ручей под сугробами снега.
Я иду не спеша вдоль проспекта домой,
Вдоль машинно-дорожно-лужного берега.

Будет вечер чёрным, промозглым и ледяным,
Проповедники холода выйдут крестить кристаллами;
Я боюсь за тех, кто днём потёк от весны,
Я прошу их: бегите, спрячьтесь, те, кто растаяли, —
Затаитесь до завтра!

Божья коровка

Убегаю на небо осенним жучком,
По пальцу карабкающейся неловко,
За хлебом отправленной божьей коровкой,
На синее небо — с пустым рюкзачком.

В холода, как обычно, не хватит тепла.
Я зимой, вероятно, промёрзну насквозь.
Стану острым и хрупким осколком стекла
И всё потеряю, что летом нашлось.

Если вдруг отпускает земля — не держись;
Может, там, где никто никогда ещё не был,
Жужжащая жадная летняя жизнь
Уже не заменит замёрзшего неба.

И вот я убегаю осенним жучком,
Полувыцветшим, стёршимся, осиротевшим,
В пожухшей траве навсегда замеревшим,
На синее небо — с пустым рюкзачком.

Лето

А лето разворачивало фланги,
Окапывалось, разливало чайник
Солдатского махорочного чая.

Костяшки домино: суббота, вторник,
Среда, четверг, суббота, понедельник —
На стол ложились. Проявлялась рыба.

Такая же медлительная рыба
Жила в реке. Стояла на стремнине —
И таяла при первом приближенье.

А лето разворачивало фланги,
Лилось дождём и разливало чайник
Солдатского махорочного чая.

Время

Под веткой клёна время спать легло.
А в кроне ивы нет его, исчезло.
А в перелеске потекло назад —
По стебелёчкам луговой травы,
По мятлику, и клеверу, и кашке,
И привело меня в далёкую страну —
В страну весёлых добрых великанов.
...Я в той стране всем людям — до колена.
Но люди наклоняются ко мне.

Отъезд

Прохладно, ветрено. И смех, и скрип ворот.
Брехливый пёс, простуженные дети.
Разлука — это просто сильный ветер,
Он просто пыль по улице метёт.

Запру ворота, запрещу скрипеть.
Непрошенным гостям согрею чаю.
Всё утрясу, ребёнка укачаю.
А ветер стихнет. Надо потерпеть

Перемышьль

Здесь спокойно. Но что мне покой травы,
И холмов, и церкви без головы,
Облаков, цикад и ночных огней,
Что не светят в ночи, а тонут в ней?

Здесь учусь наматывать нить на клубок:
Дёрнешь сильно — затянется узелок,
И стараюсь ровнее тянуть тесьму,
Благо всё здесь располагает к тому.

Здесь на всём покой, но он неживой —
Вечных пчёл покой над вечной травой.
Тороплюсь и злюсь на пчёл и траву;
Нитку рву, скрепляю — и снова рву.

* * *

Вот и лето. Я вымою стёкла
И расставлю по полкам предметы.
Это длинное, тихое, тёплое,
Долгожданное лето.

А пройдёт — не качнёт ни листочка,
А пройдёт — не оставит приметы;
Ни занозы, ни строчки, ни дочки —
Осторожное лето.

Фотография

Памяти Нины и Андриана Щеколдиных

Было холодно утром — а днём становилось тепло.
Мы в кладовке нашли летней бабочки, помню, крыло.
Георгины цвели, опускались туманы на них.
Я и мальчик двух лет, мы вдвоём, жили за четверых.

Кто же двое других, за кого, я берусь утверждать,
Мы весь день суетились: ругались, мирились опять,
Рвали траву, готовили кашу-малу из песка,
Через щёлку кормили соседского злого Дружка?

Кто же двое других, за кого мы сажали цветы,
Собирали грибы под дождём до сплошной темноты;
Не имея житейских понятий о том, что почём,
Проверяли на вкус всё подряд — и плевались потом?

Фотография: двое на лавочке ветхой кривой,
Чашка с чаем в руках у неё, трость в руке у него,
Утро, солнечно, лето, на улице нет ни души,
Золотые настурции в клумбах из списанных шин.

Было холодно утром — а днём становилось тепло.
Мы в кладовке нашли шоколадницы, помню, крыло.
Чёрно-белые крапины, нежная рыжая гладь...
Мы оставили крылышко в тёмной кладовке лежать.

* * *

Кормлю небо.
Жёлтыми листьями,
Льдинками на лужах,
Хрупкими веточками.

Кормлю небо.
Редкими радостями,
Частым смехом,
Походами в гости.

В казённом буфете
Булочкой с чаем
(Больше нечем)
Покормлю своё небо.

* * *

Я привезу тебе свой отъезд —
Не бойся, он никого не съест, —
И положу возле двери на пол.

Будем его обходить стороной,
Будем его объезжать бороной,
Только бы он не плакал.

Хлеба отрежут и чая нальют.
Не забывай, что стоишь на краю, —
Чувствуй себя как дома.

Бойся, надейся, шуми и дыши
В самой серёдке, в кромешной тиши
Снежного кома.

Мария Тиматкова родилась в Москве в 1974 году. Окончила Российский государственный гуманитарный университет, работала учителем. В 2005 году переехала в США, в 2010 году получила специальность респираторного терапевта, работает в больнице Окленда (Калифорния). Участник творческого объединения «Алконость» с 1990 года (под псевдонимами Нина Берк и Маша Орехова). В 2005-2008 годах была заведующим отделом поэзии журнала Terra Nova (Калифорния), с 2018-го заведует отделом поэзии детского журнала «Кот в мешке» (Орегон). Публиковалась в журнале «Знамя», автор книг «Настоящее имя» (2009) и «Микрорайон» (2011). Лауреат Русской премии (2010). Живёт в Пало-Альто.

Алексей Тиматков

* * *

Только погасишь в комнате свет
И зашагаешь по ней кругами —
Возникает детский велосипед
И пугается под ногами.

Светильник разума! Посвети
Под ноги. Я не хочу быть грубым.
Я в самом начале большого пути,
А уже соседи стучат по трубам.

* * *

Когда расхочешь всё на свете,
Погасишь свет, закроешь рот,
Они придут к тебе, как дети, —
Оно придёт, она придёт.

Преодолев года и вёрсты,
Пугливой стайкой приплывут
И прежнее твоё упорство
Простят, хотя и не поймут.

Они уже, быть может, рядом
И ждут, когда
Ты станешь безмятежным взглядом
Из ниоткуда в никуда.

* * *

Потянешь нитку — глядь, дыра в кармане.
Из памяти посыпался песок.
И вот стоишь один в глухом тумане,
Сжимая в пальцах белый волосок.

Растерянность от пяток до затылка
По телу разливается, как йод.
И катится порожняя бутылка
И хрипловатым голосом поёт.

Ползёшь за ней, как сонная улитка,
Заходишь в освещённые дома,
Теряешь кровь и чувствуешь, что нитка
Вытягивается уже сама.

* * *

Когда я похож на рекламный щит,
В котором — картон, пустота трещит,
Когда я попросту самозванец, —
Тащите пугало в уголок,
Не вызывайте на диалог,
Не вздумайте приглашать на танец.

Мой кашель — гимн холостой стрельбе,
Сегодня его я дарю тебе,
Стою нетвёрдо и бью не целясь.
Мешок пружинок, мешок дерьма —
Дарю. А ты рассуди сама,
Какую это имеет ценность.

Мне жалко будущего — оно
Так соблазнительно и темно,
Но я его ковыряю взглядом,
И кровь струится на жернова,
И я тебе говорю слова,
Кто знает, вдруг ты жива. И рядом.

* * *

Здравствуй-здравствуй, дорогой покойник,
Помнишь ли, как в детстве голубом,
Опустив стакан на подоконник,
Я с тобой соприкасался лбом?

Ночь была как перегон каретки,
И, грозя болезнью лучевой,
Сквозь тебя продёрнутые ветки
Жгли нас электрической листвой.

И в последнем, яростном припадке
Юности, отпущенной двоим,
Мы сверяли пальцев отпечатки,
Заручаясь тождеством своим.

Наше утомлённое величье
Тело в упоительном дыму.
И теперь моё косноязычье
Так близко к молчанью твоему.

* * *

Спасибо похмелью, простуде,
Спасибо любой амплитуде,
Которой мы живы, пока
Горят неподвижные окна
И мир пеленают волокна
Фонарного столбняка.

Ведь кто-то же должен нарушить
Покой, напотевший снаружи,
Перетасовать набело
Дома и влюблённые пары,
Пока комары и кошмары
Стучатся в ночное стекло.

* * *

Ещё не музыка, но дрожь,
Ещё не дрожь, но отсвет боли,
И кровь колыхнется, как рожь
На залитом закатом поле.

На горизонте чёрный конь,
На небе белая комета.
Тяжёлый ветер гнёт ладонь,
Протянутую против света.

Но кровь надёжно заперта,
И булькает закат в сосуде.
Нет музыки — но глухота
Меня уже выводит в люди.

* * *

Не Паворотти, не Карузо —
Пичуга вроде воробья,
Существованье — не обуза
И не профессия твоя.

Не суетись, живи попроще,
Чирикай, червяков глотай
И за пределы этой рощи
До холодов не улетай.

Не различай сосняк и ельник,
Не ведай о добре и зле,
Не вспоминай, что ты, бездельник, —
Подобье Бога на земле.

Не клуй, короче, на приманки,
И всё наладится, дружок,
И на Фонтанке, на Фонтанке
Тебе нальют на посошок.

* * *

Я надувал воздушный шар за неимением судьбы,
И безработная душа жила иллюзией труда,
И обретали некий смысл дыханья праздного клубы,
Входя в резиновый предел неосвящённого плода.

Я так стеснялся пустотой, ища, во что себя облечь,
Что обнаруживал объём, почти не раскрывая рта.
Свидетель мира, понятой, я закруглял прямую речь.
Потрогай шарик – он пустой. Но в нём такая теснота!

* * *

Медузой обесточенной, мечтой
Просроченной, погашенной, забытой,
Вчерашним наваждением твоим,
Снеговиком, оплывшим от забвенья.

Уже почти изгладились черты,
Осыпались привычки и характер.
Я таю и завидую другому,
Кого ты слепишь в следующий раз.

* * *

солнце освещает меня неравномерно
тень утверждает что я гораздо проще
мой силуэт на стене напоминает ягоду
которую долго несли в кулаке
а когда разжали
она уже не имела смысла
форма разрушается
если не чувствует своей правоты
меня легко переубедить
теперь даже в пасмурные дни

* * *

в сумраке несправедном
пытался не в полную силу
поливал песок тонкой струйкой
ковырял глину детской лопаткой
спал попере́к одеяла
мимо подушки
ворочался
как пластинка под иглой
начал плакать начал смеяться
всё недоделал
плюнул
промазал

* * *

напряжённо ожидая удовольствий
войско за войском падает с обрыва
напряжённо ожидая удовольствий
войско за войском падает с обрыва

он смотрит плохое кино
утешает себя тем
что в любой момент
можно нажать на стоп
но не нажмёт на стоп
досмотрит плохое кино до конца

* * *

В движение приходит мир,
Как отдохнувший дебошир,
Как похмельённый Гулливер.
А мы погибнем, например.

* * *

Я такая редкая птица.
Надо ли мне здесь находиться?
Хлопают меня по плечу,
Говорят, что я долечу.
Добрые, приятные лица.
Каждый день приятные лица.
Надо обратиться к врачу.

* * *

с одной стороны ОМОН
с другой стороны смартфон
в Москве наступило лето
просторное как балкон

к открытию московских диаметров

когда остаток на моей тройке становится двузначным
я обычно кладу на неё 2000 рублей
и после этого при каждом подходе к турникету
он превращается как бы в дисплей машины времени
2015
1979
1943
1907
1871
и так далее
примерно до эпохи Флавиев
редко до Нерона или Клавдия
в исключительных случаях до Калигулы и Тиберия
а потом +2000 и всё сначала
и ничему история не учит

Из текстов песен

* * *

только то что приснится
только тем и питаться
никуда не стремиться
ни за что не держаться

волны летнего зноя
хлопья белого снега
это всё для покоя
это всё для ночлега

расшнуровывай кеды
распрягай колесницы
не нужны мне победы
кроме той, что приснится

там за ultima thule
за последней надеждой
тень оставлю на стуле
рядом с мятой одеждой

уходите навеки
погасите светильник
опустите мне веки
и не ставьте будильник

я проснусь на рассвете
в одноместной палате
на далёкой планете
на широкой кровати

* * *

то чистишь картошку
то доишь бутылку
с утра понарошку
копаешь могилку
звонишь в неотложку
скребёшь по затылку

пой соловей
стой постовой
двигайся тень
по часовой

ступени прогнили
колени ослабли
пора наступать
на знакомые грабли
последние силы
любовь до могилы

пой соловей
стой постовой
двигайся тень
по часовой

копилка разбилась
упала монета
к стеклу прислонилось
остывшее лето
в кармане записка
я где-то не близко

пой соловей
стой постовой
двигайся тень
по часовой

в восторге и в страхе
на пляже на плахе
на полном серьёзе
в последней рубашке
под взором кинг-конга
во славу пинг-понга

пой соловей
стой постовой
двигайся тень
по часовой

* * *

летало белое пятно
горела чёрная резина
господь всю ночь глядел в окно
из лимузина

стояла шаткая труба
шаталась стойкая осина
луна светила от столба
до магазина

куда ни плюнь куда ни ткни
повсюду странные огни
и очертанья
я столько лет стоял впритык
и хорошо что не привык
и до свиданья

светильник разума угас
зато поднялся общий тонус
господь сперва нажал на газ
потом на тормоз

когда вернёшься на ночлег
заглянешь в зеркало пустое
а там какой-то человек
а то и двое

куда ни плюнь куда ни ткни
повсюду странные огни
и очертанья
я столько лет стоял впритык
и хорошо что не привык
и до свиданья

Говно

не по компасу чужому
как умею как привык
через силу через жопу
через жопу напрямик

я говно я говно
мне так тесно и темно
я говно я говно
за меня всё решено

позавидуй посоветуй
поругай и пожалей
напугай меня газетой
с фотографией своей

я говно я говно
мне так тесно и темно
я говно я говно
за меня всё решено

я боюсь меня узнают
я боюсь за мной следят
я боюсь меня поймают
я боюсь меня съедят

я говно я говно
мне так тесно и темно
я говно я говно
за меня всё решено

два притопа три прихлопа
жизнь похожая на месть
говорят что всюду жопа
это значит выход есть

я говно я говно
мне так тесно и темно
я говно я говно
за меня всё решено

Растворитель

Мы пили растворитель зубов,
Мы пили растворитель мозгов,
Мы пили растворитель забот,
Мы пили растворитель долгов,

Плевали мы, что мир на болтах,
Плевали мы, что все на понтах,
Мы думали, нам всё нипочём,
Разглядывая кровь на бинтах.

Мы напрасно разводим речи,
Нам пора разводить мосты,
Я надеюсь, при новой встрече
Это буду не я,
Это будешь не ты.

А где мы так устали, дружки?
Наверно, мы таскали мешки.
А может, мы топили котят.
А может, мы играли в снежки.

Мы пили растворитель болтов:
Четыре стопаря — и готов.
А если выпил пятый стопарь,
Так заново садись за букварь.

Забралась голова на плечи,
А над ней небеса пусты.
Я надеюсь, при новой встрече
Это буду не я,
Это будешь не ты.

Алексей Тиматков родился в 1974 году в Москве. В 1997 году окончил Литературный институт, но задержался в нём до 2008 года: сначала на хозяйственной, потом на преподавательской работе. Участник творческого объединения «Алконость» с 1990 года. Публиковался в разной периодике, издал три книги стихов и три альбома песен. К 2010 году фактически прекратил творческую деятельность.

Владислав Колчигин

свобода неволи

Леониду Викторовичу Иванову

выхожу один я из запоя
с запасной чекушкой в рукаве
позади ещё пылает троя
а вокруг троится гад в траве

змея ли уж ли неужели птица
выпорхнула прямо из под ног
до чего традиция троится
как никак нерасчленимый бог

я в слезах о жертвах илиона
или он ещё не догорел
или я как некогда иона
не зней а нежный самострел

жизнь не сахар а душа солёная
и не стоит вкуса горьких тел

я считаю видимые звёзды
я считаю не хватает звёзд
а подобья братья жертвы сёстры
повторяют бесконечный тост

по уставу злого алфавита
пропивают буквы по одной
у руин троянского корыта
созревает братский перегной

Отступления от общепринятых норм орфографии и пунктуации (отсутствие дефисов, написание некоторых слов и проч.) сохранены в наиболее принципиальных для автора случаях. — *Прим. ред.*

но не выйдет на берег кассандра
вся шатаясь тоже начеку
чтоб сказать что не сегодня завтра
всё случится на моём веку

без неё и мне не вспомнить автора
и товарищей по языку

я схожу с ума на эту волю
выхожу из родины вперёд
проскрипели звёзды по паролю
но во ржи детектор жизни лжёт

про свободу воли но как будто
отскочил куда надежды зря
в небесах утрированно утро
между строк земного словаря

я стою под осыпью рассвета
и увидеть солнца не могу
нет похмелья отзыва ответа
даже лыка в данную строку

отказала даже сигарета
так рвану последнюю чеку

стафиды до гробовой тоски

спускаешься по соборной
впадаешь то в раж то в шок
внимательно смотришь порно в
толпе из щепок и щёк
пока вращается жёрнов
и сыплется порошок

вот центр вот и ленин в сером
серийный как маниак

когда то был пионером
но с площади ни на шаг
и служит благим примером
всем дамам и кавалерам
вступающим в каждый брак

вот банк гастроном аптека
музей где ремонт устал
вот школа моя потеха
где я ничего узнал
трава для благ человека
река вдоль левых лекал

на этом мосту навеки
стоял с тобой наугад
пока соловьи коллеги
коленки склоняли в ряд
река как другие реки
сургуч или суррогат

в неё запечатал наши
волнующие тела
за вычетом простокваши
водичка не утекла
вольно же входить хоть дважды
хоть трижды когда дотла

ну что ж постоял и хватит
ну что ж поплевал вперёд
другая вода накатит
и схлынет а наша вот
вперёд где дед или прадед
на кладбище тоже ждёт

и вот аватары отавы
шершавы и напоказ
а дальше аллея славы
где вечный огонь погас

зане на благо державы
себя экономит газ

обратно в крутую гору
к шеренге каменных баб
от всех сует сутенёру
они отдают масштаб
и любят родную флору
насколько хватает лап

застынь на краю уступа
как будто чудная тварь
сомнение труса трупа
застынь как в муке янтарь
откуда здесь будет ступа
шариры в траве не шарь

шарнир повернётся боком
и снова блеснёт река
не нужно прослыть пророком
она здесь неглубока
кончай упираться рогом
в зазубрины языка

бросайся в последнем случае
лети как парашутист
но только как будто лучше
зачем за плечами свист
в такой вот примерной луже
размокнет прискорбный лист

пугающе неуклюже
прощальный паук плечист
вокруг изнутри снаружи
на все восемь рук нечист
всё то же но всё же ту же
нередкий рецидивист

майские медитации

Всеволоду Константинову

На холмах Грузии он превратится в речь...

Бенедикт Лившиц

на холмах краснограда
лежит большой поэт
ему одна отрада
в расцвете средних лет

печаль залита водкой
и спрятана в живот
до лучших будней вот как
он замертво живёт

поэт лежит на месте
с утра и до дождя
под ним в небесном тесте
замешана земля

его не бьют кретины
и не берут менты
он ниже середины
но выше суеты
и посреди картины
не прячется в кусты

поэта не убудет
он сам себе народ
и кто ж его осудит
и кто ж его спасёт

и пусть снедают мошки
кусают муравьи
а он взыскует мокши
в подмоченной крови

но вкус своей морошки
пока что не словил

медсёстры

Виталине Тхоржевской

пока не выступит живот
из допотопных вод
кто твой любимый полиглот
какой заветный плод

я буду ябеду беречь
как щит перед собой
о чём о чём о чём же речь
белеет мой запой

и вот проходит вдоль ковра
патронная сестра
но для чего на ней бела
не только кожа

а даже кожа и коса
и самый красный крест
она до пояса боса
она меня не съест

не прочь пожалуй и помочь
но я её не звал
пусть лучше наступает ночь
на тёмный пьедестал

а впрочем мне не опознать
где темнота где свет
когда вокруг бесцветна гладь
как будто окон нет

зачем мне эта медсестра
я буду пить ещё
она одета неспроста
в казённое платье

она шеренгой вдоль ковра
а может это полк
она наглядна и добра
да брат ей серый волк

и пусть не страшен сей досуг
зато какой узор
от чёткой поступи вокруг
медлительных сестёр

я представляю им назло
другое волшебство
то наливное естество
с которым мне везло

и запах тела и тепла
и бестолковых рук
раздвинь сознание дотла
и образумься вдруг

ни слова больше о душе
не хочется иметь
а только в коме в камыше
на комаров шуметь

пока не выступит живот
не расцветёт во мрак
не выйдет ягод выгод вод
пока не свистнет рак

всё это будет хорошо
ну что ж тебе видней
ну а пока что смотришь шоу
и медсестра быстреей

быстреей быстреей снедает мир
в котором я лежу
вдали от камыша и ширм
конец не по шишу

тонкая материя

между печенью и сердцем
тщится тонкий порошок
жизнь считается бессмертьем
потому что в ней намёк

все гипотезы протезы
по протянутым ногам
только мёртвые протесты
хороши отбросив срам

вьётся бесом не завьётся
и ужом зелёный змей
потому что остаётся
всех главней и всех сильней

между зельцем и печеньем
курсы крови и житья
ни одним домашним гением
ни одним приبلудным гением
не пополнится семья

как гостиница инцеста
заполняется с лихвой
не найти живого места
все закрыты на запой

только дети и недети
проживают на земле
на единственной диете
как пельмени в киселе

между печенью и сердцем
протекает пустота
между жизнью и бессмертьем
выбирается
наблюдается
утверждается не та

**канцона
тоска на**

Александру Вернику

пока тоска в тоскане канет
на дно заоблачного лона
как дант и блок ворона каркнет
точней как белая ворона

как ветер с круглого востока
вернётся ввысь а ей конца нет
так и тоска в тоскане канет
за неимением пророка

обжэгшись богом дуй на ладан
не отличай от данта блока
за неимением пророка
довольствуйся насущным кладом

но звон в ушах не знает где он
когда сам бог подул на ладан
но неужели он оправдан
и для чего звоночек сделан

но невозможно жить без шума
будь или ангел или демон
а человек избегнет тем он
но темы тьмы достигнет сумма

допустим родина любима
от краснограда до изюма
почём фунт лишнего изюма
узнай у иерусалима

опять тогда тоска в тоскане
тогда как папа в вечном риме
а в запасном иерусалиме
другие друзья христиане

допустим родина прекрасна
но перемена мест к измене
и фунт изюма на безмене
и на безрыбье даль превратна

когда ж тоска в тоскане канет
как ветер с круглого востока
вернётся ввысь а ей конца нет
в канцоне облачного бока

тогда опять ворона каркнет
как белобокая ворона
и выпадет её корона
закатится за супермаркет

МЫНЕ

Я стал братом шакалам и страусам.

Книга Иова

кто мыла рамы в букваре
едва и по слогам
теперь понятней и старей
уже ненужных рам

я помню зло или тепло
сквозь слёзы сентября
оно прошло насквозь прожгло
авральная заря

рабы не мы рабы немые
мы ж открываем рот
как рыбы сонные сомы
замызганных тенёт

икра и квас вдоль всех лекал
для левых бравых рук
покуда страус и шакал
идут на крайний круг

мы не рабы но кто же мы
не рыбы не быки
но от тюрьмы тире сумы
совсем недалеко

вознаграждён за пустоту
похвальной чепухой
за эту букву и за ту
чтоб дальше ни ногой

мы не рабы но кто же мы
не рыбы не быки
не мыши тише не шуми
услышат мышьяки

кто мыла рамы в букваре
ещё жива внутри
зато авроре на заре
нужны поводыри

висят воздушные замки
от суммы всей тюрьмы
не мыши мы же не шуми
услышат мышьяки

кто мыла раму в букваре
кто пачкала пейзаж
кончалась вера во дворе
и двор уже не наш

и на ненашем рассвело
ещё таки вчера
неотличимы смерть и зло
от жизни и добра

мы не рабы но кто же мы
не жабы не жуки
не мыши мы же не шуми
маньяки мышьяки

плач

Василию Якупову

смерть

идёт идёт и тает снег
как будто ни при чём
намедни выбыл человек
а мы о нём живём

неважно в мизер или в рост
нигде или везде
кому то пост кому то тост
в платоновой пизде
и снова не хватает звёзд
на небе и в воде

нисходит и восходит снег
и не считает труд
и выбывает человек
а здесь о нём живут

денотат

я звал сюда татарина
якутова якупова
гостиная окраина
без пола и без купола
жизнь кипятком заварена
поваплена облуплена

прибрежная прогалина
полка песка не убыло
но явь уже провалена
иное нас нащупало

тела со сменной обувью
и главными уборами
река с нерусской прорубью
я всё таки попробую
завесить шпоры шторами

ЖИЗНЬ

без пола и без купола
церковное начало
незванного якупова
не стало стало мало

тела без сменной обуви
и головных уборов
а тоже жили пробовали
и распыляли порох

река с нерусской прорубью
как будто это волга
теперь и я попробую
долга или недолга
попробую подробную
держись скороговорка

напрасно я их путаю
лафорга и лафарга
ты помнишь ебанутую
посередине парка

и запах жозефины и
тоску наполеона
какие слёзы длинные
от нас до вавилона

ты помнишь крестоносные
жидовские погромы

какие были грозные
и сены и соломы

какие были точные
загулы и запои
и скважины замочные
любой воздушной трои

старинные говновости
тристаны данаиды
проваренные овощи
фруктовые флюиды

пока хватало вечности
надёжно улыбался
и капли горькой верности
высасывал из пальца

лилась родная водочка
и остывали яства
зря пробовала пробочка
вообще не открываться

ещё

увы без пола и без купола
хрестоматийное начало
не звать якутова якупова
уже татарина не стало

прошли полки со сменной обувью
и главным головным убором
и следом я теперь попробую
трансцендентально слиться с хором

дальше

незваного якупова
гостиная страна
без пола и без купола
песку полным полна

не льётся и не пенится
нерусская река
и ни души ни пениса
на точные века

над бесконечной прорубью
не верится воде
когданибудь попробую
искать тебя везде

нута

сначала водка потом вода
под душем защежит льдом
ни сном ни духом как навсегда
не ведая что потом
в зените лета в разгаре льда
не вспомнится водоём
ведь депрессия не беда
со снобом и со скотом

раз небо небезопасно сном
все бодрствуют на земле
пока по крупице летит на слом
на ветреном помеле
и спорят атомы под хвостом
кому промилле милей

пока дебелый дебил внутри
считает колени календ

сон снится под руку до зари
шестнадцатый элемент
по кругу озера пузыри
амёбы абы вдуть волдыри
отмеривают момент
грядут по воду поводыри
а им навстречу сквозь пустыри
солидный олигофренд

а с ним коровы и травести
трансформер и бегемот
в одной тарелке легко трясти
зерно и его приплод
вменённый мендель почнёт пасти
крестить и скрещивать скот

взрастут кретины за вошью шов
хватает паршивых швов
всяк бодр и самый себе большой
и духом и тлом готов

известен науке в большом числе
легенд генитальный тлен
вперёд по древнему дефиле
немёбиусовых лент
пока седьмой водой в киселе
зря кипятится клиент

ЗИМОЙ И ЛЕТОМ

от апреля до ноября
подо мною преет земля
и растит мне фасоль и тыкву
я никак от них не отвыкну
и зимой когда делать нечего
я их ем до скончания снега
под которым моя земля
с декабря и до марта зря

сербалина

проходил продвинутый пропойца
в памяти жонглировал мирами
и земляна от пупа до полюса
тихо шевелила языками

расцветала ягода гороха
мания величия маняша
козодои из чертополоха
из тумана манящая каша

слово ложкой пробовал пропойца
слог за слогом отрывал руками
набивал себе их в рот до пояса
чтобы изнутри его ругали

все прыщи причины депрессий
выдавивши нет без депричастий
ощущаешь пламенную плесень
и плутаешь липовою чащей

из чертополоха черепаха
наливалась ягода минута
жизнь протухла а душа пропахла
для чего народу столько нута

для чего здесь пищевая бумага
лучше обходиться без закуски
пусть в земле членораздельней сгустки
в воздухе дугой храбра и брага

полубоги полуфабрикаты
облепили все горшки как мухи
жаль не нам достались аффрикаты
мы бы прожужжали все заслухи

что пропойце если всё пропито
между нами и уже ненами
и разбито вдребезги корыто
например цунами

манное величие личинки
манное величие вершины
ничего не требует починки
расцветают лотосы и крины

созревает ягода микстура
потому что лета захотела
и губа пускай она и дура
отвисает далее от тела

что страница вечного покоя
сербалина значит что угодно
кости слова вкось торчат из горла
значит это маленькое горло

писча возвращённая угодна
и пропойца опускает веки
хороша блевотина сегодня
и тем самым хороша навеки

просто так

рассветала тьма и отпустила
это утро например такое
от меня душа давно отстала
как подошва в сношенном ботинке

для чего мне маленькое солнце
впрочем звёзды тоже надоели
я не верю бешеной бессоннице
я терплю в запое это счастье

это быстро кончится конечно
свет стемнеет нос позеленеет
из абракадабры помнишь нечто
вот и водка высохла на сердце

помнишь в детстве или в первом классе
несмотря на правила науки
наконец читать ты научился
тут пришёл с рыбалки пьяный папа

ты давным давно его не видел
ты решил похвастать жили были
он заснул и ни хуя не слышал
очень жаль но ты его не выдал

помнишь эту жареную рыбу

папа умер наступило время
снова рассветёт и потемнеет

только водка вечно пахнет жизнью

Владислав Колчигин родился в 1966 году в городе Изюме Харьковской области. Учился на филфаке Харьковского государственного университета и в Литературном институте. Публиковался в журналах «Союз писателей», «Крещатик», «Дети Ра», альманахах «Окрестности» и «Паноптикум». Постоянный автор «Алконоста» с 1993 года. Составитель и редактор альманаха «Ариергард» (2005). Финалист премии «Нонконформизм» (2014). Живёт в городе Краснограде Харьковской области.

Андрей Чемоданов

* * *

я скажу одно мои соколики
общим с вами воздухом дыша
вырасту и стану алкоголиком
к этому лежит моя душа

вырасту и стану хулиганчиком
обрасту статейной бахромой
и навеки пропишуся в кашенко
только б не поэтом боже ж мой

вырасту и стану инвалидом я
тихо шаркать ножками в собес
изредка негаданно невиданно
падая в соцветия небес

* * *

Дане Курской

если выдержу зиму то ради москвы
ради нашей любви и весеннего здрасте
я бычок уроню между листьев травы
и сверну к магазину и вот оно счастье

в этом солнце заложенном за воротник
той на пузе завязанной синей ковбойки
будет что-то от песни про есть только миг
заугольной шестнадцатигранной попойки

в этом будет арбатский классический шик
умирая ничью не забрызгать рубашку
перед смертью я вспомню точильщика вжик
и как матери звали детей на стешку

как хрустела земля в перочинном ноже
как плясали карбидные черти в бутылке
как ходили поссать меж гнилых гаражей
а не красные стены кремля и бутылки

* * *

Белову

помнишь как в детстве любил эту песенку
ну где поётся про есть только миг
бусинки дней поскакали по лесенке
вскоре ты вырос и как-то поник

вырос большим и тяжёлым ублюдищем
скроен неладно ненакрепко сшит
если есть миг между прошлым и будущим
именно он называется shit

мысли свои мы считаем по булькам и
в скверик бежим от людской толкотни
возле парадного спорим с бабульками
матом одним только матом одним

тяжко с утра разговаривать вычурно
крикнем коту из песочницы брысь
наш белый день начинается начерно
видишь стакан за него и держись

* * *

Лесину

помнишь как мы клюкали из горла
подзаборной старой но москвы
надо мной тогда крыла простёрла
чокнутая фея синевы

отчего ж так сердце бармагложит
тополем заснежена трава
из нестрашной клятвы нашей ложи
позабыты лучшие слова

золотой невыносимой массы
видимо пора паниковать
говорим жиды и пидарасы
просто больше нечего сказать

* * *

Дане Курской

может быть осталось только имя
большого наверно не дано
мы прошли бульварами одними
но купили разное вино

я не говорил вам но заметьте
это вам запомнится легко
бульки это маленькие смерти
это пульки в наше молоко

да и так ли важно сколько граммов
попадает в сердце по любви
за кадык заложена программа
такова по жизни селяви

если не метил то не ослепнем
бытиё моё распитиё
в утреннем бреде моём последнем
имя пробормочется твоё

* * *

жизнь прошмыгнула как будтомышь
знаете если честно
я из неё вспоминаю лишь
банку от майонеза

бабушка в банку сажала лук
обыкновенный репчатый
и говорила андюша look
скоро он будет стрельчатый

пялился мальчик во все глаза
в банку на подоконнике
не отвлекали его из а-
бэвзгэдейки комики

был он угрюм хотя очень мал
с банкой играл в смотрелки
чтобы увидеть как лук давал
бледные чудо-стрелки

лука уж нет да и бабки нет
стрелки на циферблате
свой незатейливый пируэт
пляшут как на зарплате

тикало время ушла жена
та что была законной
мальчик по-прежнему у окна
смотрит на подоконник

* * *

эй педрила не ломай компостер
доносились крики из трамвая
мы с тобою пили на погосте
в метре от какого-то сарая

улыбаясь лету каждой клеткой
опершись на шаткую оградку
водочку занюхивая веткой
поминая многих по порядку

воспарив на крыльях синей феи
за здоровье чокаться не стали
хорошо на кладбище в москве и
есть с кем поменяться там местами

а в сарае ржавые лопаты
вспоминали грязную работу
эта закопала нас когда-то
эта откопала для чего-то

* * *

и после смерти встретимся конечно
втроём не бог не царь и не герой
на это намекнут и наша внешность
и наших душ недорогой покррой
в обыкновенном ожиданье чуда
опять с утра с устатку слегонца
там та же принимается посуда
и те же пропиваются сердца
там есть одно за продуктовым место
которому нам изменять нельзя
три мушкетёра третьего подъезда
срывают пробку с первого ферзя

* * *

пробегает по жизни седой холодок
и ай-ай как по мозгу стучит коготок
за зеркальный за свой воротник заливай
никогданности мёд ни-ни-ни ай-йй-йй

ни за что и ни разу вообще невермор
никогда не укрыться ни дупел ни нор
наша белка топочет во рту колеса
из летящей тарелки молчат голоса

голоса издающих молчанье низки
мы никак под собою не чуем ни зги
мимоходом я сплю со своим хохотком
и приходит ай-ай со своим коготком

* * *

я знал его горадио он был
того же завсегдаятай магазина
его там называла свинорыл
кассирша но не зина а ирина

красивым жестом подлинная знать
и знающий как для народа лучше
обычно бравший вечные ноль-пять
а верные ноль-семь после получки

он мудрый план составил на века
имел скользющий но точнейший график
я знал его и прошептал ага
когда грузили тело в мятый рафик

* * *

в квартире ночь а в комнате окно
свербит шерстинка крошка волокно
не вычесать не выморгать не сдунуть
щекочет сны и шевелится думать

что всё пройдёт как смена у станка
как ловко вьётся локон днк
бессмертие а может быть проклятье
я сплю я сплю и не желаю знать я

кто крутит эту страшную пращу
я маленький ещё я спать хочу

* * *

посмотри в мои мёртвые очи
пусть не первый а всё-таки сорт
станиславский последний разочек
верь как шли мы по трапу на борт

звёзды капали кровью из ранки
мы галактикам стали судьбой
мы познали вселенной изнанку
млечный путь нас водил на убой

нам венера сочила нектары
а потом она просто дала
и сверхновая делалась старой
если видела наши дела

и на самой враждебной планете
нас пускали в любой ресторан
в социальных сетях в интернете
мы логинились ким и буран

и чужие скребли по обшивке
а в скафандрах мы прятали шлюх
но от скуки а не по ошибке
мы открыли неправильный шлюз

и тогда шишел мышел нам боком
и тогда винни-пухом земля
а когда мы увидели бога
как мы бились о борт корабля

* * *

брёл по лесу один олень
совсем не знал что он тюлень

плыл по морю один тюлень
совсем не знал что он олень

живём своих не зная мест
не понимая кто мы есть

* * *

уходит девчоночка шаг за шагом
сапожки топ-топ топ-топ
мальчишка её провожает взглядом
последним
как будто в гроб

неясно зачем почему как сдунули
ушла и пошла идёт
мальчишка сидит на скамейке думает
всё думает
идиот

* * *

на втором этаже перед бездною
я сижу у себя в конуре
наблюдая как светят небесные
непонятные точки тире

это звёзды сошедши с орбиты
пишут мне из вселенских краёв
что на блюдцах ко мне айболиты
прилетят и я буду здоров

но назавтра отвечу вам честно я
на втором этаже как в норе
это глупые и бесполезные
и невнятные точки тире

* * *

пару фото из зоны комфорта
отсканировать нам не дано
расцветает цветочек конфорки
как нам пело когда-то кино

опустело гнездо в патронташе
глубока пустота широка
и четыре уже нету паши
а охотничья шарит рука

ключик есть потерялся замочек
лучик только подчёркивал тьму
дёргай дёргай проклятый звоночек
помни помни и помни вину

* * *

твой муж придёт откроет шкаф
а нарисован в нём жираф
и первобытный календарь
закончившийся на январь
твой муж ругнётся скажет тьфу
а я живу в другом шкафу

* * *

Труханову

сядь и землю из ботинка высыпи
о каблук окурок потуши
мертвецов пропущенные вызовы
шевельнутся в глубине души

самое несложное не сложится
на одну минуту но замри
было-то немножечко на ложечку
давешней кладбищенской земли

* * *

сорок лет проигравший в ножички
в лебеду заросших дворах
извините его немножечко
поистёршийся но дурак

неуверенный шаг неверный
вроде ближе но не видней
сорок лет это так мгновенно
дольше тянутся сорок дней

* * *

я умер ради красоты
но только в землю лёг
сосед спросил меня а ты
за что подох как лох

ты умер ради красоты
за правду умер я
теперь мы братья я и ты
и общая земля

тебе я другом быть бы мог
ты отвечаешь да
пошепчемся покуда мох
не запечатал рта

* * *

это всё остороженка отмороженка
редко меня тридцать первый возил до парка
по метростроевской что-то маршрут не очень-то
мне б на пятнашке проехаться без запарки

помню казался этот маршрут коротким ну
помнишь во время тёплого вроде месяца
установили там монумент кропоткину
многие думают памятник это энгельсу

мне-то что прокрадусь к своему домишке
улицей жукина улочка называлась
курочка ряба дочитана не до мышки
в сердце моё всё это вот не совалось

* * *

глупою улыбкой улыбаясь
ничего не зная про потом
мимо проходящими люблюсь
табуретку пряча под пальто

извините если слишком редко
говоря прохожему привет
просто предлагаю табуретку
предлагаю сесть на табурет

* * *

тихо подходят ко мне с лопатами
я отвечаю вам не ко мне
ройтесь в песочнице вы ребята но
не закопайте меня в говне

молча подходят ко мне могильщики
грозно лопатами шевеля
я отвечаю ещё мальчишки вы
не для меня эта вся земля

делайте что захотите ребзя
ройте за ямою яму в ряд
только туда не хочу я не для
этой планеты луне я рад

* * *

самое лучшее для русского языка
сделали не филологи а зека
впрочем-то и филологи были там
хам открывает рот и выходит храм

* * *

воображаемые друзья
пишут что дальше так жить нельзя

воображаемые враги
пишут что не подадут руки

воображаемые посторонние
пишут на лентах посты иронии

воображаемый я грущу
тихо словами верчу-кручу

* * *

оворобьело как-то я летаю
оголубело как-то я лечу
тропинку крестовидными следами
по снегу предпоследнему топчу

не улетай последняя синица
ещё немножко милая молю
сиди на тонкой веточке столицы
и пой весну на всю москву мою

* * *

ничего не зная наперёд
не осознавая всю беспечность
бьётся сердце рыбою об лёд
сердце бьётся в мясе человеческом

человече по уши в любви
грустный типа
сердце оторвись и уплыви
ты же рыба

* * *

может хватит может быть не целься
может быть не надобно ружья
у меня там в самом сердце сердца
маленькая девочка моя

глупенькая прыгает в резинку
и рисует папе пикачу
пусть не жизнь а только лишь разминка
ничего другого не хочу

* * *

я засну под крылом у ваганькова
я птенец твой пичужка-москва
кого в землю сырую в огонь кого
не дышу но душа не мертва

ни за что не грустите над гробушком
в этом месте повсюду любовь
я над вами порхаю воробушком
на ваганьковском тьма воробьёв

* * *

закрой за мной окно я упорхнул
закрой за мною люк я погрузился
никто из нас не делится на нуль
но делится сполна на единицу

закрой за мною самый книжный шкаф
накрой меня студёной простынёю
я был не прав а кто из нас был прав
перед своей любовью перед нею

* * *

москвичи по газону не ходят
москвичи под газоном лежат
о копающий ямочку котик
дай оттудова лапу пожать

если надо копать то конечно же
взяв лопату копай молчи
в этой почве есть твёрдые нежные
кирпичи
черепа
москвичи

* * *

не заснул бы только на скамейке
каждую зиму слышу я
на скамейке засыпать не смей-ка
потому что дома ждёт семья

на бульварной не дремли на лавочке
на площадке детской ни-ни-ни
не помогут ни кастет ни справочки
от ночной скамеечной фигни

почему ты спишь не хорохоришься
почему ты как бы даже сник
как тебя по имени и отчеству
на ночной скамейке запасных

* * *

даже клоун боится клоунов
я вот зеркала избегаю
с реверансами и поклонами
ускользаю по рамы краю

я гримёрами непреклонными
разрисован и околдован
мы боимся друг друга клоуны
я тебе говорю как клоун

* * *

человечество большое
в дверь мою стучит
я тихонько из-за шторы
вас не излечить

человечество огромно
в дверь стучит ногой
я стою за шторой скромно
боже боже мой

* * *

как ты жил в эти годы
рано ложился спать
до прогноза погоды
газету скучал листать

на последней странице
юмор потом прогноз
и осенние листья
и увяданье роз

дочитав про погоду
валишься на кровать
как ты жил в эти годы
рано ложился спать

* * *

ты обернись там жизнь твоя прошла
а там моя походкой идиотской
а там ещё одна тропюю зла
пыхтя своей вонючей папирской

мы истоптали вдоль и поперёк
все наши и не только наши жизни
мы были добрым молодцам урок
урок не впрок упрёк и укоризна

там проходили мы тупой толпой
во времени и месте застревая
теперь там дворник глупую трубой
как листья жизни мёртвые сдувает

* * *

в последней серии последнего сезона
я ухожу хромая на закат
всё будет очень медленно всё сонно
невдалеке пылающий замкад

вне времени вне правды вне закона
самой походкой воплощая грусть
в последней серии последнего сезона
ты выстрелишь но я не оглянусь

Андрей Чемоданов родился в 1969 году в Москве. Учился в медицинском вузе, служил в армии. Окончил Литературный институт. Работал курьером, снабженцем, дворником, сторожем, помощником режиссёра, рецензентом, продавцом гжели, видеопорно и книг. Участник творческого объединения «Алконость» с 1993 года. Публиковался в журналах «Юность», Terra Nova (Калифорния), «Арион», «Октябрь», «Новая Юность» и других изданиях. Автор книг «Совсем как человек» (2004), «Я буду всё отрицать» (2011), «Ручная кладь» (2016), «Пропущенные вызовы» (2019). Лауреат специальной премии «Московский счёт» (2017), премии «Нонконформизм» (2018).

Всеволод Константинов

Ягнёнок

Всё посыпано густо полынною солью.
Мы искали ягнёнка, не пришедшего к стойлу.

Мальчик, девочка, мальчик под темнеющим небом,
Запаслись мы мечами, а девочка хлебом.

Может, он заблудился в деревне? Едва ли.
Мы за реку в сырые луга побежали.

Мы увидели цаплю в багряных болотах,
Мы увидели крысу на старых воротах

У заброшенной фермы, и дверца скрипела,
Открываясь в тот мир, где не видно предела

Запустению, скорби, мольбе и утратам,
Где не каждый закат называют закатом.

Мы взглянули в неё, петли всхлипнули тонко...
Мы потом уже шёпотом звали ягнёнка.

А в лесу будто все наши ночи чернели,
Но пока их держали передние ели.

Мы взбежали на холм и назад оглянулись,
И деревни огни чуть заметно качнулись,

Там петух не кричит и собака не лает,
Словно это корабль в тишину отплывает,

Отплывает без нас! Нас оставили в спешке!
Мы скатились с бугра, как с ладони орешки

В молоко, в ивняковые хлопья тумана,
Сквозь холодное пламя речного бурьяна.

Мы терялись, сжимались от боли испуга
И впервые по имени звали друг друга.

А агнёнок, с которого путь начинался, —
Он нашёлся без нас. Может быть, не терялся.

Шмель

Поздний шмель в станционном цветке
Тянет медленно каплю со дна.
Лето стало в последнем глотке
Слаще мёда, хмельнее вина.
Он теперь не спешит никуда —
Клейкой пробкой заткнули гнездо.
Всё: закончилось время труда,
Наступает пора холодов.
Есть ли в жизни подобный предел? —
На тетрадь положить кольцо,
На неведомый чёрный пробел
Обратить без тревоги лицо,
В тишине нераскатанных гроз,
Недожитых — зачем?! почему?! —
Шмель последнюю каплю понёс.
Посмотреть бы куда и кому.
А сезонный работник один
В привокзальном буфете сидит,
Перед ним запотевший графин,
Он сейчас отопьёт и решит:
Что же дальше? Большая зима
Впереди, от неё не уйти.
Жизнь проходит, но как-то сама —
Напролом — и не знает пути.

* * *

В тот час, что сам себе назначил
Внутри квартиры городской,
Я самоизлечение начал
Души, измотанной тоской.
И тут же в ясности весенней
Приметил облако — оно
Как раз для моего спасенья
Недостающее звено.
Но слишком скоро я поверил,
Поторопился на простор,
И ветер облако развеял,
Как будто зеркало протёр.

Из цикла «До снега»

•

Не зверь, не сумасшедший, а поэт.
Не бурый лист, крутящийся в овраге,
а тот, кто рано понял: гаснет свет,
и отхлебнул глоток чистой влаги,
и захмелел, и молодость ушла
без важных дел, без слов, ссутуля плечи,
осенней каплей по стеклу стекла,
впитав пыльцу и пыль вагонной речи,
и землю увлажнила — что жалеть!
Вот яблоня в саду, её лишенья:
её стегает ветер, словно плетъ,
и мне за этой гонкой не успеть,
но есть слова, что просят выраженья,
лишь выраженья, и не нужно петь.

•

Я можжевельник из лесу принёс.
Не знаю, приживётся ли, — он рос
в тени, был защищён стволами елей
от ветра, от мороза, от метелей,
от прочих неожиданных вещей —
от солнца чрезмерного лучей.
Хоть солнца-то у нас везде немного,
и лес недалеко его родной,
но тут другое всё: овраг, дорога,
открытый склон и ветер продувной.
Но там ему бы вскоре стало тесно
тянуться сквозь еловый бурелом.
Где лучше — разве это нам известно,
туда, где ждут, поэтому идём.

•

Наутро первый снег непропечённый
улёгся наземь — неприятный сон,
как чёрный чай с водой некипячёной
и белого будильника трезвон
в соседней комнате. Не за тобою?
К кому же это всё обращено?
Пока поймёшь! Пока над головою
не побелеет шапка. Так оно
приходит, знанье, значит, между делом.
Снег уравнил луга, поля, леса
в намеченном порядке чёрно-белом,
но сохранили цвет свой небеса,
преобладая, как душа над телом
и как над письменами голоса.

* * *

Построенные наспех бастионы
работы грубой: мяли известняк,
как простыню, сближаясь, две плиты
материковых — Азия, Европа.
Остались скалы в складках дуговых
окаменевшим криком. Между рёбер
пластов, прижатых тяжестью своей,
родник сочится — чистая вода,
прошедшая сквозь каменные норы,
замшелые пещеры малахитов,
озёра, где живут слепые крабы,
передвигаясь в полной темноте.
Ладони леденеют от неё.
Её касаясь, губы что-то шепчут,
о чём, о ком — ты должен это знать.
Но прикоснись к холодной этой влаге
без клятв и оправданий, ты один
на брошенной границе континентов,
на темнохвойной родине твоей.

* * *

Есть такие холмы, за которыми море.
Стоит вроде бы только взойти на вершину —
и увижу летящую чайку, и вскоре
всё откроется, всё наконец разрешится.
Только там ведь река за бойницами елей,
сухопутная даль, облака над рукою.
Там всё так, как и здесь, может, лучше, вольнее,
но другого там нет, много дальше другое.
Отчего же нигде, лишь за теми холмами,
я предчувствую это — в подвижном покое
бесконечное море колышет волнами,
и не море, наверное, что-то другое.

* * *

Темнеет дерево на поле,
одно на холоде ночном.
Домой мне торопиться, что ли,
за убывающим теплом,
когда стоит там путник этот,
одетый в ветхую кору,
в непрочном оперенье веток
на пронизающем ветру.
Стоит, поднявшись над лесами,
над дымом сонных деревень,
ловя последними листьями
для всех уже прошедший день.
И в этих медных каплях света,
горящих тускло над землёй,
я вижу все богатства лета,
так и не прожитого мной.

* * *

Они танцуют, пожилые люди,
в ботинках твёрдых, в стёганных плащах.
Они так много знают о простуде,
что лишь тепло им дорого в вещах.
Послевоенные, пришли в сороковые,
им трудно уходить по одному.
Узнать бы всех, увидеть, что живые,
жгут листья, постоять в сыром дыму.
Всё правильно, окончены томленья,
неладно всё, но всё-таки всё так:
нет, милый, не страдания и стремленья,
нет, милая, не жертва и очаг.
А только этот синий, светло-синий
летающий дым полупустых аллей —
расчерченных когда-то кем-то линий,
изломанных ветвями тополей.

* * *

Без тебя легко, совсем легко.
Посетили замок — гобелены.
Столько лет прошло, не отлегло.
Холодно тут: каменные стены,
сотни лет не топлённый камин.
Сверху виден городок за Влтавой:
мельница одна, собор один,
много крыш и пышный лес заставой.
Вид чудесный! Пасмурный денёк,
отсыревший замок феодала...
Столько лет что замо́к, что замо́к!
Столько лет душа не поднимала
тяжести. Опущены мосты,
люди входят, переносят старость.
Все вошли, осталась только ты.
Как и прежде, только ты осталась.

* * *

Нужно как-то бороться с травой,
с разрастаньем её — с запустеньем, —
с подавляющей массой сырой,
но не с каждым отдельно растеньем.
Сам себя обманувший туман
всё плотнее становится, ниже.
Где же спички? Обхлопал карман
за карманом. Но дело не в них же.
Это холодно изнутри.
А вокруг бестолковое буйство:
мелочь рыбная, плеск, пузыри,
юность, нежность твоя — полюбуйся.
Носишь светлые камни с реки —
может, это кому-то сгодится:
доломиты, известняки
и кораллы чистейшего гипса.

* * *

Так и поют они по вечерам
на всю весну, невидимое племя.
Вокруг собравшись в молодой листве,
в сырой траве, уже набравшей силу,
за брызнувшей из веточек хвоей.
Где гнёзда их? Зачем их столько много?
Как, хором щебеча, они услышат
родные голоса? А как-то слышат.
Неглубоки их звуки – трели, свист,
но крохотным их лёгким помогают
пустоты скал, расщелины ручьёв,
колонны сосен на щебнистых склонах –
вся эта чаша древнего каньона
наполнена их пеньем и звучит.
Не торопитесь, дайте вас послушать.
Я, к сожалению, вас почти не знаю.
Вот коростель, вот иволга, должно быть.
Вот соловей, и правда – соловей.

Из цикла «Уральские сказки»

Марьяна

Иван Колпак уплыл вниз по реке
С отрядом, а жена его Марьяна
Засела за шитьё, пообещав
К его приезду завершить покров.
Проходит лето, первый снег посыпал,
Покров святому Трифону готов:
Серебряные нити, золотые
И жемчуг матовый – богатое шитьё.
А мужа нет, и нет вестей о нём.

Сховался конюх, прихватив коня,
Утёк дворецкий, вычистив сундук
Хозяйский, сгнули крестьяне,
В разбойники подавшись. Тут зима,
Морозы, реку льдом сковало.
А мужа нет, и нет вестей о нём.
Служанка из зырян по дому ходит –
Одна она осталась – топит печь
Дощечками от детской колыбели
(Сынок Марьяны месяца не жил).
Сидит Марьяна, белыми пальцами
Покров перебирает. Золотая
Нить потянулась, вынулась. Марьяна
Глядела долго-долго на неё.
Потом обратно вдела.

Иранские клады

Степан Верста охотился на клады,
А думали, он идолов крушит
Из ненависти к капищам поганым.
Плывёт ладья, он на носу стоит,
Едва ль не с мачту ростом, заприметит
Какого деревянного божка,
Велит причалить к берегу и спешно
К нему идёт, срывает блюдо,
У идола висяща на груди.
А блюдо золотое, с украшеньем.
На нём курчавых всадников дружины
В затейливых шеломах, посредине
Царь или князь с широкой бородой.
Над ним по праву руку – солнце,
По леву – месяц. У царя
В руке росток какого-то растенья,
Без листьев, но висят на нём три плода
Чуть вытянутые, вроде груши.
И царь растенье это садит в землю.

Слуга его коня за гриву держит,
А на земле лежит какой-то бес,
С кошёлкою в когтях, с стрелою в пузе, —
Поверженный, а всё-таки живой.
А позади есть пальмовая роща,
И в ней танцует девок хоровод.
Спокойно всё и мирно в той стране,
Когда б не этот бес.

Степан Верста взял блюдо и монеты,
Развёл на берегу костёр и всё расплавил.
Теперь уж кто дознается, откуда
Он золото берёт.

Поэт

Сказитель грек у нас в походе был,
Рассказывал он нам о тёплых странах,
О городах из камня белого, о море, —
Тут он вздыхал, — о царствах прежних,
На наши срубы серые глядел,
Казалось, их не видя, всё тоскуя
О родине своей. Когда мы ели,
Из общего котла не ел он с нами.
Он доставал свою тарелку, ложку,
Накладывал себе и отходил.
И многие сердились на него,
И многие смеялись, атаман же
Велел его не обижать — в походе
Бывает очень тяжело без поэта.
Но обнаружился у грека грех турецкий,
Пожаловался самый молодой
Из наших атаману, тот схватил
И бросил грека в реку. Дальше
Поплыли молча мы вдоль хмурых берегов.

Плотовщики

По звёздам путь держали мореходы,
А мы плывём по ёлкам и камням.
И каждая большая ель названье
У нас имеет, каждый камень имя,
И каждый поворот реки мы знаем,
Где нужно зорко править или где
Сподручней вёсла бросить на ладью —
Сама пройдёт. Но кто-то мне сказал:
Наверное, с закрытыми глазами
От Каменок пройдёшь ты до Ослянки.
Э, нет, река — она всегда другая.
Женой своей тебе не сделать реку.
Подругою её не назовёшь.
Она сама кого-то любит, а кого
Не терпит, и тому заняться лучше
Другими, сухопутными делами,
А то измучит, даже если делал
Всё правильно, ведь правил, в общем, нет.
Как объяснить, что нужно в нашем деле?
Ну, смелость — да, умение — конечно,
Но главное: когда ты на реке,
То позабудь, что ты плывёшь куда-то,
В такой-то город, по тому-то делу.
Нет цели в голове твоей! В руках
Есть цель: почувствуй каждый мускул
Реки, противоборствуй ей, пойми,
Насколько ты силён. В глазах
Есть цель: увидь её такую,
Чтоб только на тебя она глядела,
И берега и скалы на тебя
Глядели, настороженно вначале,
А после с узнаваньем отрешённым.
И тут уж сердца цель — так истоньшиться,
Чтоб дуновенье сквозь тебя прошло,
Как ветер сквозь трепещущие листья.
И доплывёт тогда твоя ладья
Не до Ослянки, до самого моря.

Великая суббота

Канюк кричит с утра над Забайкальем.
Апрель, шарашит солнце по земле,
ещё сухой, покрытой жёлтой шерстью,
со вкрапинами пухлых первоцветов,
похожих на открывших клюв птенцов.
Канюк кричит в Великую субботу.
Его птенцы ещё не родились,
но два яйца уже лежат под самкой,
два гробика, где умные белки
уже ведут работу по созданию
птенцов грядущих. И канюк кричит.
Пронзительные горестные крики,
а радостью как будто рождены.
Ничто не возвестит о жизни лучше,
чем боль. Певец об этом помнит.

* * *

Пьём на кладбище вместе с отцом.
На старом кладбище чувовском.
У ограды дверца совсем отстала.
Жёсткий снег, заводской Урал.
Фотоснимок бабушки, я её не знал.
Да и деда я помню мало.
Мы одни на нашем краю земли.
Наши предки пришли сюда и легли.
Мы стоим как братья почти что.
Тут одна порода, одна гряда.
Стынет огненная вода.
Мёртво, тихо кругом и чисто.
Да ещё над снегом в двух-трёх местах
Красные ягоды на голых стоят волосках.
«Что за растенье? Не видел такое, –
Говорит отец, – сколько здесь живу».
Зёрна просвечивают сквозь мёрзлую кожуру.
Непутёвое дело живое.

* * *

Частный дом на окраине Чебоксар.
Только пыль летит сквозь мясной базар
к заброшенному аэродрому.
Мы не виделись ровно пятнадцать лет.
Ты строил пристройки к дому,
который построил твой дед.

От безумия можно уйти и так:
джентльмен на выселках, лысеющий холостяк,
когда б не сварливость и недовольство.
Да сжигающий всё живое вопрос:
«В чём была ошибка?» Как будто войско
ушло за победой, а ты тут врос.

Каждый сам по себе уходил, Володь.
Нам бы щепок с тобой для костра наколоть,
до чужих побед какое нам дело —
здесь, на мирной границе картофельных гряд
и привитых яблонь, где жизнь оскудела,
а глаза химер всё сильней горят.

Монтаж фильма

крохотные репейники
язык верблюда
лижет солонец

до гор до *тех* гор
недолго близко
а не дойти
монгольские пограничники
когда-то их предки народ племя
презирал границы
а теперь
стрелок ещё стрелок
на вышке

наши пастыри у реки
пьют молочную водку
и окликают друг друга
Тавуучу Тавуучу Дазыл

посреди ничего
кончилась кочёвка
посреди того же
что было раньше

снег сглаживает завитки
шерсти на спинах животных
засыпает траву овчарню
юрты и те горы

снег ровняет всё
снег хороший шпатлёвщик

и вдруг звучит Бетховен
откуда он здесь?
чей каприз?
однако звучит Бетховен

снег взвихривается и
летит вверх

* * *

Мне не хватает тебя – это странно
произносить. Не веришь? Попробуй.
Словно одна сторона моя рана,
ну, не рана, допустим, а прорубь.
То глядит в неё брошенная невеста,
то ловец забрасывает наживку.
Не моё, отчуждённое это место,
на него так и тянет нашить нашивку –

род занятий, награды, должность,
залепить зиянье банковским чеком,
как последняя — бессмысленная — возможность
выглядеть человеком.

* * *

Ты возникала всполохом, кустом
и, обжигая, исчезала снова.
И оставляла в воздухе пустом
«спаси меня» — два оголённых слова.
Отшатывался я, но после вслед
тебе шагал, хоть знал: не обнаружу
ни пламени, что жгло тебя, ни бед,
что это пламя вызвали наружу.
Уютный дом, ребёнок по столу
машину катит, приближаясь к краю.
И вот тебе, свернувшейся в углу,
«ты выдумала всё» — я повторяю
и осекаюсь, понимая, что
ты выдумала всё тем давним летом:
себя, меня, ребёнка, даже то,
что я когда-нибудь признаюсь в этом.

* * *

непроделанная дорога как незажившая рана
или словно спишь и тебя позвали
просыпаешься где-то в снегах Севана
на продавленном облаками перевале

на подмёрзшем шоссе на пути в Тбилиси
говоришь взбодрись нестарое сердце
для того ли наставлены эти выси
чтобы можно было на них согреться?

для того ли всё утро звонил будильник
чтоб теперь возвращаться в песочный город
в одноместный номер включать холодильник
ну а холод — что? да и где не холод

знаешь сам что дело совсем не в Тбилиси
в том что дальше где мечется тень лосихи
и хоронит лис целый выводок лисий
в придорожных зарослях облепихи

знаешь сам где родина там непросто
подними же дубовый листок лежалый
есть на озере остров разжалованный в полуостров
вот туда бы пойти пожалуй

* * *

вспомнишь тот автобус едущий в семидесятых
по неровным окраинам города в синих
гражданских сумерках и передать не в силах
плотность душ прошедших дверной дозатор

и стоишь среди них словно в сумрачной чаще
это как распятие с предстоящими
с предстоящими чем? событиями леденящими
кровь? всё случилось уже спасибо нам за участие

* * *

моя дочь живёт с парнем
а я помню ещё вчера
ушёл из дома
снял зимой дачу в глухомани
как-то привёз её
пятилетнюю в пёстром комбинезончике

шли в темноте от станции
говорили про звёзды
она считала что они близко
я утверждал что далеко

снегу намело
я перенёс её от калитки до крыльца
иди в дом грейся
сам взял лопату и начал расчищать тропинку
а она уже рядом маленькой лопаткой
я тебе помогу
хоть и ленивая была

папа говорит
а давай жить вдвоём

в те годы у меня не было слёз

что ты говорю
мы ж семья должны жить все вместе
я тут ненадолго

я вернулся
она ушла

я ошибался насчёт звёзд

Всеволод Константинов родился в 1972 году в Перми. Окончил географический факультет МГУ, учился в Литературном институте. Сценарист и режиссёр документальных фильмов. Публиковался в различных журналах, автор книг стихов «Седьмой путь» (2004) и «Побег» (2013). Участник творческого объединения «Алконость» с 1993 года. Живёт в Москве.

Евгений Лесин

* * *

Ты рассуждаешь о Платоне,
А я, простите, пацаны,
Сижу бухаю на балконе
За процветание страны.

Я пью за здоровье прогресса,
За благодать и за престиж.
Твоей горошине, принцесса,
При всей любви не угодишь.

* * *

Гольяново вам не Бруклин – написано на стене.
По городу сплошь салоны и студии красоты.
И огари обрусели. На речке живут вполне
Комфортно. И безмятежно кидают свои понты.

Они, конечно, сильнее, но кряквы берут числом.
Повсюду война традиций. Везде джихад-газават.
А те, которые люди, опять совершают зло,
Взрывают и убивают и о добре кричат.

Ведь те, которые люди, они за бога убьют,
Зарежут, если не станешь по их приказу плясать.
А те, которые утки, опять заполнили пруд.
Гольяново вам не Бруклин. В Гольянове благодать.

* * *

Исус Христос, он родом из Твери,
Мне говорил в автобусе Серёга.
А до Калуги ехать года три,
А мы уже подвыпили немного.

Везде леса. И кругом голова.
Повсюду птицы, дальняя дорога.
За нами Брянск, и Обнинск, и Москва,
А мы уже подвыпили немного.

Пойдём в кабак и кинем по рублю,
У нас теперь такая синагога.
Я либералов больше не люблю,
Ведь мы уже подвыпили немного.

Да ты смотри не слишком окосей.
В России всё роскошно и убого.
Серёгу, впрочем, звали Алексей.
Но мы уже подвыпили немного.

* * *

Выхожу я голый на балкон.
На соседнем — голая соседка.
Вы, она сказала мне, гандон.
Да и вы, ответил я, кокетка.

Я сейчас к вам прыгну, говорит.
Вы же разобьётесь, отвечаю,
Если промахнётесь. Инвалид
Станете. И кто нальёт вам чаю?

Я вам чаю точно не налью:
Голая, вы очень некрасивы.
Ерунда, она сказала, пью
Я совсем не чай. Помойте сливы,

Я вам буду в жопу их сувать
Ради счастья, воли и покою...
Разбежалась, крикнула: эх, мать.
И об землю хлопнулась башкою.

Хлопнулась об землю и лежит.
Я заинтригованно взираю.
Мёртвая? А может, инвалид?
Очень скоро, видимо, узнаю.

Поднялась она, как исполин,
Закричала, словно перед строем:
В мире не найти таких вершин,
Что не покоряются героям...

И пошла куда-то наугад,
Ловко обходя автомобили.
Нам бы хоть один такой солдат,
Мы бы всех, конечно, победили.

* * *

Хочет солдатик в родимый край.
Дембель, конечно же, неизбежен,
Но не спеши на гражданку в рай
И в остальном суетись пореже.

Я говорил: оставайся, бес,
Ты же не в петлю полез от чурок,
А на Чернобыльскую АЭС.
Там радиация, полудурок.

Там радиация, старикан,
Не застрелить её автоматом.
Хочешь награды? Езжай в Афган.
Ну на фига тебе мирный атом?

Ты же не поезд и не джигит,
Не суетись, если ты не баба.

Ведь не бежит туда замполит
И не поедет туда начштаба.

Не торопись, не гони, братан.
Лишь дураку завсегда неймётся.
Или и вправду езжай в Афган,
Оттуда кто-нибудь да вернётся.

* * *

Хожу по рюмочным гламурным,
Как среди маршалов старлей.
По «Зинзиверам» и «Дежурным»,
Где водка стоит сто рублей.

Где ни одной приятной рожки,
Где ноет русская душа.
Где все на гаджеты похожи —
И только я на алкаша.

Где голубые разговоры
В сиропе розовых соплей.
Где всюду хипстеры и воры
Из Костромы и Бирюлей.

Где у свободной молодёжи
Полно георгиевских лент,
А все изделия из кожи
Одобрил бог и президент.

Они читают в интернетах
Рецепты блюд, а я туда,
Где рассуждают о поэтах
Иду, не ведая стыда.

С любым дерьмом литературным
Я вежлив, как официант.
Хожу по рюмочным гламурным
И пропиваю свой талант.

* * *

Который год страна моя распята.
Который год мне вежливо твердят:
«Вы только без политики и мата
Читайте здесь...» Я тоже был бы рад

Читать про то, как мило бить баклуши
В спокойном девятнадцатом году.
Я тоже рад про яблони и груши,
Но вырубил яблони в саду.

Элита выражает беспокойство,
Печалится ответственный бомонд:
Не надо больше про благоустройство,
Про вечный и бессмысленный ремонт.

Скучает Грановитая палата,
И я уже который год подряд
Читаю без политики и мата,
Хоть просится, конечно, только мат.

* * *

А задача-то очень проста:
Больше ада и больше распятых.
Потому что ведь даже Христа
Брали ночью всё в тех же тридцатых.

Я шарманку опять заведу,
Всё родное, привычное, наше:
Кто-то спит в Гефсиманском саду,
Кто-то молится ночью о чаше.

Наливайте, пока воронок
Не приехал, пока не светает.
Вырастает уже черенок,
Что получится? Бог его знает.

* * *

Когда в морях ты встретишь полуостров,
Который наш;
Который подымается, как остов,
На абордаж;
Который всей России либеральной
Ужасно мил;
Который хочет жизнью жить нормальной
Среди могил, —

Читатель, знай, что данный полуостров
Совсем не Крым.
А также он отнюдь не город Осло
И не Нарым,
И не Москва, не Рига, не Анапа.
Не Ленинград.
Читатель, выходи уже из шкапа
На променад.

* * *

Хорошо там у вас в батальоне,
А у нас тут всё пир да чума.
Варим суп на пельменном бульоне
И по-прежнему сходим с ума.

А у вас там ура-патриоты
Славят благоустроенный ад,
То ли в небо летят самолёты,
То ли ангелы с неба летят.

То ли кто-то идёт с триколором,
То ли где-то нашли провиант.
Никогда ты не будешь майором,
Господин и товарищ сержант.

* * *

Когда Адам в костюме Евы,
А также в платье короля
Обозревал свои поля,
Свои священные посевы
И стены древнего Кремля,
В кустах лежал Эмиль Золя.
Он обвинял. Искали девы
Азартно девственные плевы.
Потом искали три рубля.
Но безуспешно. Вуаля.

* * *

Останки райского сада
Пахнут бензином.
Да не бойся ты ада:
Ад – нерезиновый.

Богу какое дело?
Оболочка брэнная.
Как же похорошела,
Наша вселенная,

После Большого взрыва.
Что ни день, то победа.
Как же красиво
От Москвы до обеда.

Не нужна нам награда,
Старая образина.
Да не бойся ты ада:
Ад – нерезиновый.

Ничего нам не надо,
Что ковчег, что корзина.
Да не бойся ты ада:
Ад – нерезиновый.

* * *

Налей-ка не рюмку, а давай сто пятьдесят,
Давай пока что без закуски, я серьёзно.
И вряд ли правда, что в конце какой-то ад,
В конце выходим за второй, пока не поздно.

Все говорят, что надо думать наперёд.
Бутылок пять, нам говорят, берите сразу.
Не надо сразу, мы же всё-таки народ.
Народ непьющий. И не пьющий по приказу.

Мы выйдем в город за второй, вокруг Москва.
Потом под вечер поползём уже за третьей.
Смотри — яснее с каждой рюмкой голова.
И всё отчётливей преемственность столетий.

Налей-ка не рюмку, а давай сто пятьдесят,
Чтоб на балконе закусить осенним ветром.
Ах, что за осень, что за дивный листопад.
Не надо мерить всё рублём и сантиметром.

Не надо мерить, надо верить, извини.
Поверь хотя бы в то, что листья полетели.
Темнеет рано, но какие наши дни?
Какие годы и какие дни недели?

* * *

Сбежал от ворогов Кибальчиш,
Сражался люто, с остервененьем.
Ну а Плохиш драпанул в Париж,
Где ел печенье своё с вареньем

И слушал песню «Шумел камыш...»
А Кибальчиш составлял бумаги...
Ушёл в Освенцим старик Плохиш,
А Кибальчиш запропал в ГУЛАГе.

**«В томленьи одиноком...»
или Письмо Грете Туборг о сущности экологии**

Ах, Грета, Грета, Грета,
Рекомендую вам
Побольше винегрета
И каши по утрам.

А то у вас не знают,
Что палую листву
У нас тут собирают,
Уродуя Москву.

Нам кошельки очистив,
Бухают корешки.
Где был ковёр из листьев —
Лишь чёрные мешки.

Похоже, долбануты
Тут все кому не лень.
Трамвайные маршруты
Меняют каждый день.

Буквально же, не шутки,
Буквально — каждый день.
Катаются маршрутки,
А там один Пномпень.

Уснёшь вот так порою
В трамвае номер три.
Проснёшься под горою,
Где воют упыри.

Какой, скажите, город,
Товарищи, у вас?
В ответ же только морок,
Содом и Гондурас.

У нас, ответят, база
Ракетно-конных войск.
Село Говнищи Плаза
И Усть-Верхнедерьмовск.

Душа моя согрета
Сегодня и всегда
Лишь вами, птица-Грета,
И радостью труда.

Вот командир подлодки
Пошёл купить конфет.
А взял два литра водки
И выпил на предмет

Подумать о России,
О сущности добра.
Когда же уносили
Героя со двора,

Украл он мармеладку
У дочери посла
И детскую площадку
Оставил без осла.

Ведь ослик очень быстро
От водки той подох
И сына замминистра
Возить уже не мог.

Вовеки не забуду
Я то, что пел Кобзонт.
Теперь же тут повсюду
Бессмысленный ремонт.

Разруха здесь, о боги,
Какой там третий путь?
Не надо экологий,
Дай воздуха глотнуть.

Ах, Грета, Грета, Грета,
Простите мне мой пыл.
У вас там – оперетта,
У нас всю Эсхил.

* * *

Кровь — не вода, вода — не камень,
У прокуратора — понты.
Христос бухал с учениками,
Когда нагрязнули менты.

Мир обывателя уютен,
Пока не взяли в оборот.
«Верните казнь, товарищ Сталин!» —
Кричит восторженно народ.

Итог повсюду одинаков.
И поздно биться у стены,
Что, мол, казнят одних маньяков,
Тебя же вроде не должны,

Кричи, дурак: «Ошибка вышла».
Кричи: «Да здравствует ГУЛАГ».
Сказали вышка — значит вышка.
Народ решил, что ты маньяк.

Кровь — не вода, вода — не камень,
Колючка, знаешь, не бинты.
Христос бухал с учениками,
Когда нагрязнули менты.

И прокураторы в законе
Смеются, глядя на протест.
Протесты — где-то в Барселоне,
А здесь тебя отлично съест

Свинья с откормленной харей
И выдаст бог всего ТВ.
Шёл в палачи отважный парень,
Шли росгвардейцы по Москве.

* * *

Данайцы предлагают задарма
Коня, в котором только смерть и скверна.
Не говорят в столице: шаурма.
И в Питере не говорят: шаверма.

Россия гибнет, уходи с кормы
В угаре неприкрытого аврата.
Не надо мне арабской шаурмы,
Не надо беззаконий шариата.

Мы позабыли, кто такой Ферма
(Он здесь для рифмы, а не для сюжета).
Не говори с тоскою: шаурма.
Но можешь с благодарностью: котлета.

* * *

о боже сколько феминисток
в соседнем доме завелось
всё время выстрелы и крики
слышны оттуда хруст костей
предсмертный стон и хрип усталый
осатанелые слова
брань богохульства дикий хохот
мольбы несчастных звон стекла
в соседнем доме и не только
во всех домах куда ни глянь
куда ни выйди всюду вопли
разврат и похоть кровь и смерть
с балконов бешеные кошки
и трупы яростно летят

да что уж там! в моём подъезде
за каждой дверью грех и дым
и адский рёв совокупленья
и толерантности разгул

на мой балкон летят окурки
остатки плоти и волос
а также вырванные когти
очки разбитые как жизнь

я вызвал раз отряд омона
они вошли на каблуках
я ловко скрылся между книжек
и был спасён
но дикий страх
он до сих пор меня терзает
погром в квартире и печаль
разбитый фаллоимитатор
вот что осталось от властей
что защищать меня должны бы
но не судьба
о горе мне
о боже сколько феминисток
а водки только двести грамм

* * *

Еду я мимо аэродрома,
Там, где коровы мирно паслись,
Высятся башни, всё незнакомо,
Благоустройство, хоть удавись.

Были когда-то тут самолёты,
Зелень по пояс, речка Москва...
Ныне лишь башни, серые соты,
Здесь неживая даже трава.

Нам не поможет гнев Посейдона,
Зевс не поможет или Аид.
Встал гладиатор у стадиона,
Голуби метко гадят на щит.

Милые птицы, сколько усилий,
Сколько простора, синяя высь...
Тушина нету, нету России,
Благоустройство, хоть удавись.

* * *

А осенью, осенью, осенью,
Знаете, так хорошо,
Что можно какое-то время
Не пить алкоголя.
Вчера ещё дождик смеялся,
Сегодня снежок.
И всюду покой
И ещё, разумеется, воля.

А то, что безумный султан
Тут устроил парад,
Мой город запомнит,
Но выдержит, будьте любезны.
Ведь осенью, осенью, осенью
С неба летят
И листья, и капли, и ветер
Заходит в подъезды.

А где-то беспечно гуляет Россия,
Кому-то грозя.
А кто-то обидел планету
Несчастную неосторожно.
Есть вещи, которые, в общем-то,
Делать нельзя.
Тебе, разумеется, —
Можно.

Давайте о страшном

Памяти Павла Белицкого

•

Говорил, головою качая.
Говорил со спокойной душой,
Ничего уже не понимая:
Всё нормально и всё хорошо.

Вот и мы произносим невольно,
Потому что такая среда:
Ничего, что немножечко больно.
Всё смертельно и всё навсегда.

•

В девяностых, радостных и бурных,
В нулевых, сжимающих в кулак,
Мы встречались на литературных
Вечерах. И даже просто так.

Ездили куда-то. Дни рожденья
Отмечали. Весело. До драк.
Падали в крапиву и каменья.
А ещё встречались просто так.

Молодость придурочную нашу
Вспоминать без глупостей нельзя...
Мы сегодня все хороним Пашу.
Здравствуйте, товарищи-друзья.

•

Искусство ломается с хрустом
В мелькании нашем пустячном.
Давайте не будем о грустном,
Давайте-ка сразу о страшном.

И он говорит «баю-баю»
Душе, покидающей тело:
«А что там? Откуда я знаю.
Но здесь мне уже надоело».

•

Отзвенели его метели,
И осыпались лапы елочки.
А чего мы ещё хотели?
А чего мы хотели, сволочи?

Что мне жулики, что мне воры
С колесницами скорой помощи?
Мы обычные мародёры.
А чего мы хотели, сволочи?

•

То запоры у вас, то поносы,
То падучая с параличом.
Всё вопросы, вопросы, вопросы.
Всё какая-то дурь ни о чём.

Словно думцы какие-то в думе,
Вдохновенно несущие бред.
Говоришь про кого-то, что умер.
Что случилось? – всё время в ответ.

Что случилось? Скажите на милость,
Вы оглохли? Беда с головой?
Что случилось? Да то и случилось,
Что совсем он теперь неживой.

Комары налетели да осы
И жужжат, и зудят, и нудят.
Как же мне надоели вопросы,
Говорите же, кто чем богат.

Не тяните же, сволочи, жилы,
Ты не спрашивай, гад, говори.
Я не знаю, как мы ещё живы...
Фу, горластые, кыш, упыри.

•

Не ходил бы ты в поэты, в поэты.
Погубил тебя Литинститут.
Не видать тебе Харона и Леты
Лет пятнадцать ещё, может, а тут...

Загубили мы тебя. Город Припять
Так Чернобыль расчихвости в зарю.
Говорил тебе я: надо бы выпить.
Впрочем, каждому я так говорю.

А наверное, не надо, не надо.
А наверное, важнее пожить.
Неизвестно ведь, куда Ариадна
Заведёт, да и умеет ли шить.

Ох, не надо бы в поэты, в поэты.
Да и толку — только вой-голоси.
И кому нужны зажжённые светы
В катакомбах очумелой Руси?

•

Небо сегодня глупое.
Прямо ну шлёма шлёмою.
Небо губами хлюпает.
Небо глазами шлёпает.

Небо такое мокрое,
Небо такое влажное.
Куздра гуляет с бокрою.
Мы обсуждаем важное.

Вся компания дружная,
Крепкая, как на саммите.
Встреча такая важная:
Что бы сделать для памяти.

Вязнет словесной кашею
Всякое неуставное.
Лучше б сидели с Пашею.
Вот что, ребята, главное.

Евгений Лесин родился в Москве в 1965 году. Учился в Московском институте стали и сплавов, Литературном институте. Работает в «Независимой газете». Участник творческого объединения «Алконошь» с 1994 года. Автор книг «Записки из похмелья» (2000), «Русские вопли» (2005), «По кабакам и мирам» (2007; совместно с Ольгой Лукас), «Недобор» (2009; совместно с Всеволодом Емелиным), «Легенды и мифы Древней Греции» (2009), «В философском автозаке» (2014), «Лесин и немедленно выпил» (2016), «Мы идём бухать бухло» (2016) и др.

Павел Белицкий

Ангина

Молочной удушливой хвори калёная сода под стать.
Смертельное детское горе отваром таким врачевать.
Горчица, корица, кислица... Смешно, до чего невпопад:
Со мною должны породниться и ртуть и прямой циферблат!
И всё-таки детское что-то, что губы вот так запекло...
Обидна нещадная сода, и – с пенкой – страшит молоко.

* * *

В. Былинскому

Водолаз сквозь соломинку дышит
И в сияющем мраке живёт.
И колеблется он и колышет
Толщину тяготеющих вод.
Он, как дух, в торжестве обитает
И ногами в пространство сучит.
Он не думает, что сочетает
Бытие и трагический быт, –
Просто внемлет вещественный шорох,
Совокупной материи шум,
Растворяет в соляных растворах
Сухопутный, беспомощный ум, –
И безумный выходит на сушу,
В немоте своей маму кричит,
Вынимает огромную душу
И телесную тягость влачит.

Ницета

Когда два кружка анальгина —
Вот всё, что в твоём кошельке,
Легко ль тебе, сукину сыну,
Легко ли — вот так — налегке?
Но плещет живая сангвина
В глазной воспалённый белок:
О бодряя кровь Ахашени!
О чёрный крутой кипяток!

Из разговоров о Москве

•

Не музыка, но всё ж немало
Протяжных нот у заводил.
У Пятницкого запевала
Не на мякине проводил:
И вправду страшен в песне дикой
Расхлёт колодезной воды —
Что рожениц слепые крики,
Что завыванье неплоды,
И вправду чабрецом и глиной
Равнинной был наворожён,
И жил повадкою звериной,
И пел — как лезут на рожон...
Теперь ему одна тревога:
Он бродит там же, где самрат.
А в чернозёмном лике Бога
Тона протяжные сквозят.

•

Папа: пенсне, бородка, шляпка,
Плеханов, чай, подмётный лист,
Долги. Народ. Фабричный Савка:
«Я во Христе социялист...»

У заговорщиков в совете —
Что на купеческих чаях:
Шумят соседи, плачут дети,
Медведей водят на чепях...

Дочурка: зайнька, подросток,
Курсистка, книжки, нотный стан,
Любовь.

Идея.

Папироска.

Косынка.

Кожанка.

Наган.

•

М. Б.

До кольца и — на «Парк культуры»:
Просто чудо как удалась —
На поминках архитектуры —
«Балерина» и «Футболист».
Хочешь, я расскажу, что Стасов
Не построил — руками сгрёб
Удивительный храм припасов,
Оползающий, как сугроб,
Что в сугробах — как после свадьбы
Под остоженский говорок
Навсегда обнялись усадьба
И купеческий теремок,
А ещё расскажу, чем дорог
Коренастый московский слог:
Закоулок, приёмок, дворик,
Перекрёсток и закуток.

Но сама разгляди другое –
Что под Богом твердит своё,
Заскорузлое, корневое,
Сухостойное житиё.

•

– Впился Игумнова домок,
Что в спину праведная банка.
И кособочит на восток
С тех пор кривая Якиманка...
– Но посмотри, что говоришь,
Ты весь запутался и сбился!
Сюда не кто-нибудь – Париж
С Москвой витийствовать явился...
– Да нет же, нет, не сгоряча, –
Ведь над Калужскою заставой
Плывёт железная свеча
И мрамор плещет тёмной славой.

* * *

Д. Р.

И мы грызём глагольчик – пресный,
Как поминальная кутья.
И нам достался только честный
Залог земного бытия.
Но не язык – сухарик колотый,
Но не язык – пустой приют.
И кажется, что – прямо с холода –
За нами ангелы придут, –
А что в земли реченной смысла,
Что ангелам – глаголец твой,
Когда они пронийдут присной
Как зачумлённой стороной?

* * *

В лесу у Филькина оврага,
Из-за берёз едва видна,
Торчит коряга не коряга,
А так, корявая сосна.
В изломах остеохондрозных,
У корня влажная, во мху,
Чуть выше бурая, в наростах,
Но охра, охра наверху
Такая, что почти пугает
Телесно-тёплый цвет ствола.
Как будто не сосна – другая
Хотела быть – и не смогла.
Так древесину, под спудом,
В уму невнятной глубине,
По целлюлозовым сосудам
И в смолянистом волокне
В стволе уродливом – застыла,
Перекорёжась вкривь и вкось,
Как и меня перекосило,
Что и во мне не удалось.

Весна

Сладко пахнет гнилая картошка.
Влажно жмурится рыжая кошка.
Синий март. Ослепительный день.
Чуть искрится морозная крошка.
Из помойки в пакет понемножку
Отбирает старуха картошку
И бормочет: «Клубень-голубень...»

Задышала, лицом изменилась,
В золотистый снежок привалилась,
И на правой щеке распустилась
Кровеносных сосудов сирень.

* * *

«Обеспеченность, беспечность, беспечальность, —
Кто тебя к блаженным прицепил?» —
Мне сидеть на камешке причальном
И во тьму глядеть нет больше сил.
Что-то там колышется такое —
Птичка, рыбка, чайка, королёк?..
— Я б хотел свободы и... — Пустое,
Бесконечный сыплется песок.
— Отойдём, пожалуйста, в сторонку,
Посидим, пожалуй что, вдвоём.
Хочешь, купим булочку-плетёнку...
— Водочку вчерашнюю допьём...
«Что же там качается такое —
Не пойму, не вижу, невдомёк...»
— Не хочу ни жизни, ни покоя...
«...Ничего, так просто, огонёк...»

* * *

Рукава далёкий поворот.
Ровный алюминиевый блеск.
Лодка монастырская плывёт.
Дрогнул над водою благовест.
У монаха удочка в руке.
И: «Поспею, что ль, до темноты...»

Девки, побросав бельё в реке,
Кинулись от берега в кусты.
И гогочет баба на мостке,
Между ног исподнее собрав...

И недобро что-то вдалеке.
И откуда вроде ждать беды.
И течёт неспешливый рукав...

* * *

Ничего доказывать не нужно,
Прежде чем случится умереть,
Будем мы бездарно и послушно
На чужую сторону смотреть.
Воздух пьян, но целое разъято,
Жизнь сыта, но Бог оставил нас...

...Если бы в глубинке простоватой
Был ещё отеческий, брадатый
Столпничества русского припас...

* * *

I

Да ну что ты, горе горевать,
Просто чёрный, кислый хлеб жевать,
Говорить пустое, спорить ни о чём,
Пожимать плечом.
Это время не преломишь на двоих.
Что умершим скажешь о живых:
Тех смахнула мышка со стола,
Стала жизнь — как будто не была.

Не преломишь это время на двоих.
А оно ломало даже не таких.
А таким — за совесть, не за страх —
Ставило булыжник в головах,
Гулкие часовни на крови.

Говори умершим, говори.
Ты на долгой тризне вековой
Мякиш горький, катышек сырой.
Как ты будешь с веком вековать.
— Да ну разве горе горевать.

II

Жизнь подстерегала нас, когда
С варежкой срасталась корка льда
И душил платочек пуховой,
Стянутый крест-накрест за спиной.
Воротник у шубки жаркой туг,
Всё, что в руки, — валится из рук,
Но сияет добрая зима:
На деревьях в искрах бахромы.
Скрип да скрип по снегу тяжело
Детское декабрьское тепло:
Саночки, ты саночки тяни —
Жизнь твоя, поэзия они.
За салазки эти твой народ
И тебя в сугробе отпоёт.

* * *

Я помню, как выбилась птица,
Как в небо глядела труба,
Я помню на высохших лицах
Землистую копоть труда,
Я помню и запах железа,
И в ржавчине кафельный пол,
И сваи в кромешных разрезах,
И в чёрной воде солидол.
Как было кино: под сурдинку,
В густом папиросном дыму,
Шушукались Райка и Зинка,
Мол, Костик влюблён в Зулейму.
Как верили: поезд московский
Подземный прорежет зигзаг, —
Хороший поэт Долматовский
И — тоже поэт — Пастернак.
И всё комсомольное детство
Им вторило в угольной мгле:

«Мы детям оставим в наследство
Счастливую жизнь на земле», —
И в копотном ламповом свете
Вгрызались в отеческий прах...
Мы ваши циничные дети
С камнями на мелких зубах.

«С миром державным...»

А я, представь, сколачивал скворешни —
Сейчас уже б, наверное, не смог, —
И видел, как вытягивал подснежник
Болотный, водянистый хоботок.
Мне птичий март раздаривал копейки —
Всю за зиму накопленную медь,
И пьяница в державной телогрейке
Учил меня сквозь донышко смотреть.
Крутился бес в проталинах дворовых,
Над воздухом курилось серебро,
Звенела жизнь на крыльях невесомых,
И мир летел, вставая на ребро.

* * *

Поговорим... Да о чём говорить.
Глупо пустое в порожнее лить,
Стыдно — словами играть.
Всё, что понятно, — понятно давно,
Всё остальное — как было темно,
Так и осталось. И будет опять...
Вроде не то что б... Но всё же оно...
Как бы сказать...

Вещество

Не цвет, не форма и не свет,
А только света слабый след
На веществе обыкновенном.
Ему что имя, что число.
Его безвестно разнесло
Мирам пустынным и вселенным.
Что назовёшь «течет звезда»,
Течет звездою иногда,
Но обернётся камнем – чаще:
Булыжник вертится простой,
Блазнится отсвет в тьме пустой,
Во тьме пугающей, ледашей.
Небытие ж не свыше сил,
А кто в земли мне бысть вменил,
Равно и удален и близок.
Его ни ум, ни глаз, ни слух
Нигде неймут, но ищут – дух
И хищной совести угрызок.

Огни

В полуночной каменной Москве
Не звучала музыка над нами,
Но мерцало что-то в полумгле
Разноцветно-ртутными огнями,

По стеклу, по полу, по стене
Подтекало в тёмную квартиру,
Празднично мелькало в тишине
И скользило празднично по миру:

Разве будет жизнь не хороша...
То ли это счастье, то ли жалость,
То ли диафрагма, как душа,
Медленно плыла и поднималась.

Потому ли, что по СССР
Плыл в огне кинотеатр «Победа»
И за ним такой же «Пионер»
Загробал по огненному следу?..

В темноте полуночный «Маяк»
Пел ночную песню про надежду,
Ту, где мы не встретимся никак,
Но когда-то встретимся, конечно,

Ту, где незнакомая звезда
С комсомольной нежностью светила
Всем, кто, веря, сгинул навсегда
В полунощи Нижнего Тагила...

Гурзуф

Южным берегом Крыма не пройти никуда,
Но черна и сладима, как в колодце вода,
Над тобой развернётся (всю увидеть невмочь)
Та, что тихой зовётся, — украинская ночь.
От вечера до утра подвизаются в ней
Мышь летучая — ультразвуковой соловей
Да звезда, что на пляже, оттопырив губу,
За три гривны покажут ротозею в трубу.
От шашлычного дыма навернётся слеза.
Нет ни юга, ни Крыма, только чёрная зга,
Ни цикады, ни шороха, чёрный тупик,
Здесь Ваал или Молох откусил материк.
Зажигалкою Cricket сам себе посвети —
С этим берегом Крыма ты сидишь взаперти,
Что, на скалах подъятый, нарежай виражи,
Что у моря — в девятом — по бетону кружи
Вдоль пивных или чайных. Коротай свою ночь,
Наблюдая случайно (тут ничем не помочь),
Как уфимский уролог, смытый чёрной волной,
Продаёт «Полароид» и уходит в запой.

* * *

Я живу, под собою не чуя,
Да и чуять уже не хочу я.
И умру, ничего не желая.
Да и жизнь-то моя – нежилая.

Память

По Студенческой в семьдесят пыльном
Я ли это гуляю тайком
ШэШэПэшным двором подзатыльным?
Это я ли с карбидным кваском
Известково-белёсого цвета
Во взрывчатой бутылке пивной?..

Для чего вспоминаю всё это,
Что мне всё это, Боже ты мой?..

Запах липы, наждачка асфальта,
Рома Киршнер надменную Альтман
В первый раз провожает домой...

Для того ли мы с Киршнером Ромой
Сочиняли трубу-телескоп
И следили за белой, зелёной,
В чёрном небе мерцающей, чтоб
Вот теперь я в две тыщи лохматом,
Битый молью, обрюзгший, седой, –
Боже мой, – среди ночи подъятый,
Вдруг додумался, – Боже ты мой, –
Что звезда, воспалённая дальше,
Чем сумею такое понять,
Может близкой казаться и так же
Будет с ближними в небе стоять,
Что со временем время уходит
Не в эфирный провал голубой,
Но в тебя претворяется, вроде
Как древесный оброст круговой?

Ледяная песня

В переходе старая песенку поёт,
Как водила молодость на кронштадтский лёд.
Как водила молодость, старость увела.
Что ж, обыкновенные, в общем-то, дела:
Жили-были, убыли, перестали быть...
Мне про это песенку, нет, не сочинить.
Как в авоське склянуло сиплое стекло –
От палёной водочки бабку повело.
Как она, проклятая, про кронштадский лёд
Песенку отвратную, да всё мимо нот.
Что ты привязалась-то и на кой сдалась?
Ты ж уже готовая, вусмерть напилась.
Или шепелявая шутит надо мной
Со своей подземною песней ледяной:
«Мы под эту песенку сквозь земной проём
До небесной лесенки так и доведём.
Там другое слышится – кто это поёт? –
И тебя, мой миленький, время проведёт,
Там уж уготовано, кончен переход,
Упадёшь, как миленький, на кронштадтский лёд».

* * *

«Ни тайны, ни смысла в поэзии нет».
– Нет? Но всё-таки – музыка? Всё-таки – свет?
Так над кромкою леса, прозрачнее льда,
Чуть звенящая меркнет звезда.
А за лесом чуть слышно идут поезда,
И не важно куда.

Музыка жизни

Какая чушь, какая блажь,
Какая глупая доука:
Тростинку жизнь, что карандаш,
Сточить до корня ради звука —
И в нет сойти. Беззвучьем стать —
И слышать, как за стенкой хлипкой
Скрипит соседская кровать —
Ну так скрипит, что просто, блядь,
Как циклопическая скрипка!

Павел Белицкий родился в Москве в 1968 году. Окончил Литературный институт, работал в «Независимой газете», был заведующим отделом прозы журнала «Октябрь». Участник творческого объединения «Алконось» с 1995 года. Печатался в журналах «Октябрь», «Арион», «Вопросы литературы» и других. В 2002 году вышла книга стихов и статей о поэзии «Разговоры». Умер 2 сентября 2013 года.

Ян Шенкман

* * *

За занавеской прячется местный бог.
Каждую ночь ты с ним говоришь во сне.
Но бесполезно. Он то ли совсем оглох,
то ли молчит и думает обо мне.

А циферблат, притихший в своём углу,
смотрит на нас, не отрывая глаз.
Здесь не место добру и не время злу,
и часы не знают, который час.

А на стене в прихожей висит пальто.
Кто-то жил в этом доме, да вышел весь.
Всё не так, моя радость, и всё не то
целую вечность. То есть пока мы здесь.

Возле твоей кровати стоит капкан
вместо домашних тапочек. По стене
мечется тень, как спятивший таракан.
Выключи свет и повернись ко мне.

Если завтра война, пусть меня убьют
и после смерти моей прекратят войну.
Двери настежь! Это часы идут.
Это часы камнем идут ко дну.

* * *

Птица, которая вылетела из памяти,
совладеет с самой сильной любовью.
Дождь, навсегда со стены смывающий граффити
Тани из Подмосковья,
гасит окурки, делает слёзы сладкими.
Целые сутки время стоит на месте.
Вот и сентябрь. Школьник идёт с тетрадками
от Арбата в сторону Пресни.
Грязь на щеке такова, что лишает мужества.
Вытри её – вот и прошла минута.
Вид из окна: небо, полное ужаса,
вытянуто, погнуто.

* * *

Я думаю обо всём сразу.
О ближайшем будущем. Как правило, ничего хорошего.
О далёком прошлом, населённом тенями прошлого.
А на углу Ленинского проспекта и улицы Дмитрия Ульянова
по ночам стоит баба, приятная моему глазу.
Я думаю обо всём сразу.

Никак не могу сделать выбор.
Необязательно правильный. Хоть какой-нибудь.
Стоит только закрыть глаза – трое в комнате:
президент Российской Федерации,
премьер-министр Российской Федерации
и какой-то неизвестный мне пидор.
Никак не могу сделать выбор.

Погружаюсь в реку времени с головой.
Глубже, глубже. Только это не река, а болотце.
Много раз я хотел бросить всё и жить как придётся.
Но для этого нужна огромная сила воли.
Просто невероятная для меня сила воли.

* * *

Это стихотворение о любви. В детстве я любил пепси-колу.
Хотя каждый знает, что пепси-кола вредна для печени.
Дима не любит Таню, а Марина не любит Колю.
Они чистят зубы перед разными зеркалами
и сильно устают к вечеру.
Мы могли бы быть вместе, но это не по приколу.

* * *

я не хочу спокойной ночи
и пипольфену с молоком
не надо долгих проволочек
выходит ночью на балкон
и говорит параличу
подагре язве глаукоме
гангрене сифилису коме
и участковому врачу:
тебя я видеть не хочу
сейчас пойду и выйду в город
пойду и горло промочу

* * *

Там, куда я шёл, обеденный перерыв.
Два китайца чинят водопроводные трубы.
За окном во дворе раздаются звуки игры в
домино на деньги. И тени лежат как трупы.

На одном конце улицы сумасшедший дом.
На другом аптека и дискотека.
Слишком много любви, отложенной на потом.
Слишком мало времени для одного человека.

* * *

Жаловался, что жизнь – бессмыслица и тщета.
За поражением следует поражение.
Потом почувствовал лёгкое жжение в области живота
И принял горизонтальное положение.

Пусть скорей приедут врачи и несколько бывших жён.
Он составил заранее подробное завещание.
Нет сил выяснять отношения и кидаться на них с ножом.
Больной предпочитает молчание.

Нет, всё-таки прав был Шекспир, говоря об игре стихий
И стадах чертей, что проносятся мимо с топотом.
Никакой это не пессимизм, а просто стихи,
Подкреплённые большим жизненным опытом.

Новый Форрест Гамп

Бегаёт по городу, расталкивая локтями автомобили.
Из точки А в точку Б. От ангелов к бесам
и обратно – от бесов к ангелам.
Менты считают, что он убегает от правосудия.
Но от правосудия, как известно, не убежишь.

Бегаёт по городу голый в надежде на случайные связи.
Никак не может остановиться.
А потом у какой-нибудь таинственной незнакомки
родится двойня.
Дети подрастут и тоже будут бегать по городу.
Некоторым кажется, что это реклама виагры и план Путина.
А некоторым – что перфоманс Гельмана.

Бегаёт по городу с криком: «Возьмите у меня интервью!»
Почему никто не берёт интервью у этого человека?
Было бы интересно узнать, что он думает
о вступлении России в ВТО
и каковы его планы на ближайшие две тысячи лет.

Он ответит на бегу: «Все вопросы через моего пресс-агента».
Бег трусцой продлевает жизнь.
Я уверен, что он проживёт две тысячи лет и больше.
К этому времени не будет ни России, ни ВТО.
Город, по которому он бежит, обречён.
Но пресс-агенты наверняка выживут.

* * *

Хотел стать пиратом, а стал капитаном районного ОВД.
Хотел жениться на, а женился из-за.
Тысячу раз прав был поэт, когда говорил,
но мог и не говорить.
И без него всё понятно.

К сорока годам накапливаются
неиспользованные возможности.
Мог, но не сделал.
Уже никогда не завалить экзамена по истории СССР.
И не украсть в булочной плюшку за двенадцать копеек.

Вроде бы всё в порядке.
Вместо запаха немытого тела
запах недорогого дезодоранта.
Но что-то давно не случалось галлюцинаций.
Разного рода эрекций и революций.

Белые пятна на простыне,
белые пятна на карте моей родины.
То, чего уже не случилось.
Учителя предупреждали, что он вырастет негодяем.
Но раньше было неясно, каким именно, а теперь ясно.

* * *

Это небольшой человек.
Сущее ничто во плоти.
У него туман в голове.
И больше никаких перспектив.

Вот он и достал пистолет.
Выстрелил – попал в молоко.
Насмерть поразил белый свет.
Где же ты, моя Сулико?

* * *

Будущего нет, потому что оно не нужно.
Можно сойти с ума, если взяться за дело дружно.
При взгляде в зеркало я хватаюсь за пистолет.
Мы хорошие люди, господа нас прости.
Поэты работают с девяти до шести.
А кто не работает – не поэт.

* * *

Нету сознания своей правоты.
В город приехал отряд лимиты
Из Уренгоя и Алма-Аты.
Из Таганрога и из Воркуты.
Тампаксы есть и сникерсы есть.
Но нету сознания своей правоты.

Брызжа слюной изо рта, сволота
Мне говорит: «Правота, правота!»

Но нету сознания своей правоты.

Киллер застыл у опасной черты.
Курит сигары и мечет понты.
Ролексы есть и grindеры есть.
Но нету сознания своей правоты.

Нету сознания, сознания нет.
Дайте убогому белый билет.

* * *

Какая несерьёзная жизнь.
Как будто смерти нет, смерти нет.
У времени простой механизм.
Высокоскоростной интернет.

У времени большие глаза.
У времени чужие слова.
У времени внутри голоса.
У времени снаружи Москва.

* * *

Что бы ни случилось — ничего страшного.
Чуть-чуть подташнивает? Ничего страшного.
Сносит башню? Ничего страшного.
После вчерашнего — ничего страшного.
Всё равно всё как-нибудь образуется.
Перемелется, перевернется, перелюбится.
Я смотрю на тебя, а ты смотришь в окно на улицу.
Не кричи, не плачь, не буди спящего.
Ничего из ряда вон выходящего.

Несмотря на то что темнеет

несмотря на то что темнеет сердце ещё шевелится
тело ещё мерещится щерится размножается
время передвигается вверх или вниз по лестнице
несмотря на то что темнеет и холодаёт кажется
температура падает дух не держится в теле
ночь умножается на два — но время не разрушается
несмотря ни на что шевелится корчится на постели
как безрукая статуя мучится извивается
кто здесь в запертой комнате кружит голову тени
кто в темноте и холоде
улыбается
прячется

* * *

сегодня ночью тишина
вращала мной с нездешней силой
и узнавая голос милый
я оборачивался на
её необъяснимый голос
не понимая где она
и ждал испытывая голод
и если повторялся звук
готов был у неё из рук
готов был у неё из рук

* * *

И тени неоконченных деревьев,
и небо, непохожее на землю,
и зеркало, которым никого
не отразить, и то окно, в котором
находится ещё одно окно, —

и дерево, отброшенное тенью,
и небо, так похожее на землю,
и зеркало, в котором ничего
не изменить, и то окно, в котором
находится ещё одна стена.

* * *

Совсем светло, а дождь идёт.
Кто это спящего пугает.
Конец ли света настает
Иль лампочка перегорает.
Кто это издали зовёт
И в знак согласия кивает,
Что снова дело принимает
Совсем хреновый оборот.
Сейчас мой голос прочитает
Стихи, но связок не сорвёт.

Сейчас стемнеет, по углам
Две тени бегают с опаской.
Кто это знак недобрый нам
Подал и спрятался под маской.
Но нас здесь нет, мы были там,
Где дождь идёт, где рвутся связки.
И за четой оконных рам
Отыщемся по голосам
Из-за обилья мутной краски.

Так кто же голосом моим
Читая, спящего тревожит.
Вот пустота. Вот ангел Божий.
Вот я. Вот снова херувим
Шуршит крылами или, может,
Горит, и голос это дым.
Молчу, но чувствую, по коже
Мне водят лезвием тупым.

Ну вот и ты. А за окном
Опять невнятная погода.
Опять беда обходит дом
И озирается у входа.
Опять навязчивый фантом
Смеётся в зеркале моём
И исчезает с небосвода.

Ну вот и ты. Вот пустота.
Вот ангел с голосом недужным.
Вот окон мутная чета
Не пропускает нас наружу.
Вот я молчу. Вот тени кружат.
Но не находят ни черта.

Всё заблудилось здесь, внутри.
То тени лезвию перчат.
То свет за окнами горит.
Там чёрт тасует чёт и нечет
И наизнанку говорит.

Ну вот и ты. Теперь светло.
Теперь понятно, кто от яви
Освободит моё стекло
И одеяло мне поправит.

Ну вот и ты... А дождь идёт.

Ян Шенкман родился в 1973 году. Окончил факультет журналистики МГУ. Автор пяти книг стихов и сборника прозы. Стихи публиковались в журналах «Новый мир», «Арион» и «Октябрь». Постоянный автор «Алконоста» с 1996 года. Живёт в Москве.

Михаил Свищёв

* * *

А смерти нет, есть утки на пруду,
Два мудака на утренней платформе,
И незачем слюней пускать в дуду
Архангелам, одетым не по форме,

Ведь нет её, и нечего ловить,
Выходит, — ни за гробом, ни за морем,
Чью соль пантин про-ви в любой крови
Не растворит, а бережно замочит.

Нет смерти, и любое тру-ру-ру
Хрипит в динамик предвоенным спичем
На этом прохладительном ветру,
Где волосы капризнее, чем спички.

Огрызок одеяла теребя,
Обрывки слов прихватывая горстью,
Знай — нет её, а значит, ни тебя,
Ни нас с тобой не ждут ни в рай, ни в гости.

И белый ваш не нужен кабинет,
Раз смерти нет.

* * *

Револьверы, строчки, номера,
Лошади, жирафы, крокодилы —
За тебя не то что помирать, —
Даже жить порою приходилось.

А сама шептала про дела,
Вспархивала в небо сизокрыло,
Ни одной петли не расплела,
Ни одной брюшины не прикрыла.

Не пальба – инсультики, рачки,
Не халат – смирительная роба.
А сама смеялась – дурачки,
Что за счастье, если не до гроба?!

* * *

Наполняется без рисок
Кружка мерная сырая –
Было лето словно список
Круглым почерком до края:

Под столичную вскрывая
Школьных подвигов консервы,
Вспомнишь бочку у сарая –
Запотела, это верно.

Лучше импортного шпрота
Сохранил округлый почерк
Две любви в одни ворота –
Здесь не нужен, там не хочешь,

Две беды с обоих флангов,
Как китайские радистки,
Две страны с единым флагом:
Там помрёшь, а здесь родился,

Две для «Явы» новых свечки
(На вторую не хватило),
Олимпийские колечки
На рубашке Чикатило.

* * *

Листовкой цельс свернётся возле ног,
Луна заглянет в краповом берете,
И за сугробом чёрный воронок
Весны приедет.

В морковных окнах встанет детвора
Следить сквозь тюль, как парочка горбатых
Таскает книги с тёмного двора
На двух лопатах.

Там звёзд над крышей как на ртах помад
И спутники, кивающие куце:
— Моя прописка продлена по март...
— Там разберутся.

Не унимая карандашный зуд,
Они загнут про Прагу или Вильно,
Москву, Париж — а после отвезут
В снегоплавильню.

* * *

Сочинять, так в полвторого,
Наблюдать, так с высоты:
Где кончаются коровы,
Начинаются хвосты.

Если водка — с кока-колой,
Если в землю, так в свою, —
Где заканчивалась школа,
Дул стрекозами июнь,

В иван-чае у оврага
Что ни всадник, то трубач —
Там, где выдохнется брага,
Вспыхнет синеньким первач.

Если треснет, можно скотчем,
На шурупы и болты.
Там, где я сейчас закончусь,
Там начнёшься сразу ты.

* * *

Лёше Григорьеву

Лето кончается раз.
Кто не успел — на матрас
С пёстрой прохладной подушкой.
Сливы блестят от росы,
Осень заводит часы
С августом, словно с кукушкой.

Алый дубок — тёмный низ,
Замер? Теперь обернись!
Парусник — только и дела.
Дачной берёзкой босой
Вышла за солью Ассоль,
Вышла и остолбенела.

Прожили лето, так что ж —
Главного не проживёшь,
Не разменяешь монету.
Чехов считает до ста,
Вкусен крыжовник с куста,
Если крыжовника нету.

* * *

Под веками сон без каприза
Свернулся электродугой,
В углу – нецветной телевизор,
Никола Можайский – в другом.

Направо – грехи наши тяжки,
Налево – поёт трансвестит,
И жизнь, как нога на растяжке,
На ниточке красной висит.

А в небе светлей, чем в палате, –
Казённых подушек самшит,
И облако в белом халате
С кульком апельсинов спешит.

* * *

Затребуешь память,
а память приносит лубок:
два школьных звонка,
мандарины в метро в два прикуса,
где тесно смешались
дождевики, фотоны, любовь,
азот с кислородом,
созвучья, расцветки и вкусы,
повидло на хлебе
и приторный в горле люголь,
в больничном дворе
под Ротару танцующий шизик,
где, как голубей,
выпускает прилежная боль
из стареньких клеток
пернатые радости жизни.

* * *

Как медную монету,
Зажав листок в руке,
Орешник слышит флейту,
Простыв на сквозняке.

Октябрьскому пледу
Вверяя семь потов,
Орешник слышит флейту
И говорит: «Потом! —

Куда-куда, а в Лету
Мне нынче недосуг».
Орешник слышит флейту,
Высокий смертный звук.

У нас на раз, а гдей-то
Приходит как с куста —
Орешник слышит флейту,
Готовясь ею стать,

И в музыку всю эту
Влюбляясь, невредим,
Орешник слышит флейту
Под тихий смех корзин.

* * *

Пускай стихи не по погоде,
а жизнь, как заворот кишок,
мила не тем, что не проходит,
а тем, что после хорошо,
мы насобачились, как дети,
с тобой за много-много лет
взаправду не бояться смерти —
не потому, что смерти нет.

Промальпинист

Под вдумчивый скрип стеклореза
работать верхом веселей.
Какая-то странная трезвость
на воздухе и на земле,

когда экзистенции перца
добавит холодный карниз,
и самое храброе сердце,
попутав, где верх, а где низ,

качается вправо и влево,
и ждёт с нетерпеньем уже
асфальт, недалёкий, как небо
на сорок восьмом этаже.

Русский характер

Мой учитель – школьный танкист Валерий
Александрович – в школе одной ногой
прямо из-под вражеских артиллерий
попадал под дружественный огонь,

что жена (биолог – жуки-цветочки)
вызвала нá сердце, как могла, –
думала, что бьёт по горячей точке,
била по единственной, где была, –

в тесноте нетопленного пенала
огрызалась, как из кустов койот:
«Я ещё тогда, в сорок третьем, знала,
что не фриц, а водка тебя убьёт».

Он (и впрямь устав от вчерашней пьянки)
отзывался нехотя ей: «Ну чё
ты опять буробишь, как дизель в танке?»
(Если не про танки, о чём ещё?)

В циферблате стрелки стоят по хорде,
в голове убийственное тик-так:
«Мы “Характер русский” сейчас проходим,
мне сейчас без водки нельзя никак,

я Толстого ставлю повыше Сартра
(кто блевал под утро, меня поймёт) –
вот они сидят за последней партией,
а потом усадят за пулемёт.

В ящик то Китай, то Иран с Ираком
лезут, не спросясь, за такую мать,
потому меня, что кишки от трака,
от чекушки ломом не оторвать, –

как тетрадка давится промокашкой,
я хочу соврать, что легко в бою,
я хочу сказать: “Умирать не страшно”,
но при детях трезвый сказать боюсь...»

Замолчит рассерженная супруга,
на ходу поправит ему кровать:
«Ну чего – мне, что ли, сходить на угол?
На углу по средам должны давать».

* * *

На подводной солнечной поляне
глядя вверх, как вы потом – в окно,
втягивали щупальца желаний,
чуя, как трясётся наше дно,
понимали – «рано или поздно»,
щурили холодные глаза
в час, когда не страшен горький воздух
и пора на сушу выползть.

Сад камней в Братеево

Свезли камней и обнесли стеной.
По пятницам, тверёзые на вырост,
мы этот сад обходим стороной,
далёкие от мысли, чтобы выбрать

несвойственную русскому стезю
на досточках, где Леночки плюс Лёни.
Но места не отыщешь для синдзю
японистей во всём микрорайоне,

когда на двор спускается туман
и школьнице нашёптывает школьник
начитанные в яндексе тома
прелюдий к гениальной старой школе,

счастливые любовники когда
нам в сумерках являются без грима
попарно, как над рожью провода,
как мёртвое зерно, неповторимо.

Про неё

I. На двоих

Арабесками обойными,
акварелью под глазами,
отсыревшими ладонями
между пальцев уползает
оборвавшаяся лескою,
белым ухом, чёрным бимом,
табуированной лексикой,
на двоих употребимой.

II. Похоронные агенты

Мы с ней все
одного, понимаешь, цеха,
уважаем хохмы,
охоту, коньяк, стихи,
по субботам ходим
в универсам и церковь,
где промеж печёнок
и панихид
чаем будущей жизни,
воскресения мёртвых чаем,
лишь одно
удивлять не перестаёт —
как она не похожа
на всё, чем её встречаем,
так медведь
не похож на двустволку,
а кровь — на йод.

III. Загадка

Она учит звон золотых монет
повторять: «У нас ничего нет»,
циферблат царапать стальным прутом,
никогда откладывать на потом,
перекрещивать кости среди игры,
покидать жилища, пиры, миры,
оборачивать туловище назад
и не видеть собственный пыльный зад,
быть одним — и тем же, когда вдвоём,
притворяться ветошью, муравьём,
волочащим спичку, как то бревно,
в небоскрёб, где все муравьи в говно,
умерять естественную прыть,
жизнелюбом быть (вообще не быть),
этажи просчитывать и ножи...
Бог с тобою, милочка! — это жизнь.

* * *

Заботиться о будущем — точь-в-точь
подсчитывать, что с прежнего осталось:
раз в день зови красавицею дочь,
чтоб вспомнила приятное под старость.

За пуговицу сына теребя
на вырост свежкупленной рубашки,
придумывай, как будет без тебя,
а если не придумаешь, не страшно.

Пока мы все, свободны и равны,
смыкаем в ряд восторженные лица,
записывай, как было до войны, —
кому-нибудь на что-нибудь сгодится.

* * *

Не мандражируй ни о чём:
что всё до смерти разворовано,
что если слева Пугачёв,
то справа — Машенька Миронова,

что жизнь узка, как щучий зёв,
и с обвиненьями огульными
меж них ни Швабрин, ни Гринёв
двумя не втиснутся фигурами,

что водка в мутных стопарях
крепка, как крепость Белозёрская,
что с октября до октября
земля скудеет фантазёрами,

что если даже будет стих
собрать повторно по полушке нам,
едва ли выйдет на троих.
Что нас немного с этим Пушкиным.

* * *

У нас нет доказательств,
имеет ли наша вера
заслуги перед Богом.

Дж. Бруно

Знают эллин и иудей
и последний монашек —
в мире столько же площадей,
сколько в Риме ромашек,

что простые движения тел
натуральны, как числа,
что Господь умирать не хотел,
просто так получилось,

что невестка невинной снохи
нерожавшей, и даже
что за смертные наши грехи
только смертью накажут —

без кровищи, без обиняка,
поимённо и скопом,
потрясая Писанием, как
слепой — телескопом.

* * *

Покойный год игольчат, крестовит,
Стучит в окно замазкой и стамеской,
А нынешнему только предстоит
Узнать главенство времени над местом —

Как на краю, у стенки и на дне,
Навек сойти с дистанции риска,
Становится отчётливо видней,
На тонкую клеёночку какую

Земная облакачивалась твердь,
Покуда на сиреневом наречье
Карета скорой заклинала смерть,
По встрече выбегая ей навстречу.

Льву Болдову

Ушёл как плюнул в лёд колодца.
Пусть жизнь, что каждому даётся
(на передок всегда слаба),
ещё бормочет: «Всё в порядке»,
но нам с тобой к сорокапятке
дверная грезилась скоба —

на то и баба, чтобы лапать,
не наступил медведь на лапоть,
не ангел в плешь поцеловал —
за стенкой рывкнули потоки,
врубили сверху караоке,
во рту закончились слова.

Тогда смотрящий по вселенной
зелёнку к чашечке коленной,
почти не морщась, приложил,
тогда из форточки подуло,
и сердце тапочки обуло,
и пыль укрыла стеллажи.

И стало ветрено, как будто
ты сам ступнёю небутой,
влажней растаявшего льда,
коснулся шаткого настила,
и сразу справа отпустило,
и сразу слева отпустило
(и не отпустит никогда).

* * *

...Где всё моё – от сказки до дивана,
Сквозь радио где сплю, где папа маму
Негромко окликает: «Нусь, а Нусь?»
(Зимой на дачу в августе вернусь) –

Где под щекой отчаянье намокло,
Крестами мир осаживают окна
И скрип, как вскрик, слетает с потных рам.
Где мне не разрешали по утрам

На выстуженной кухне умываться,
И с польскими дрались по рубль двадцать
Индейцами ковбойцы from Donetsk,
Где без пистонной ленты, наконец,

Пылились под кроватью пистолеты,
Девятое заканчивалось лето,
Шёл дождик, как судьба, неумолим.
А остальное не было моим.

* * *

Садики под насыпями зыбки.
Все стихи на свете прочитав,
Знаешь, что в конце любой посылки
Либо сердце, либо главпочтамт,

Кустиков невнятные породы,
Жаворонка тощее гнездо –
Кладбища милее огородов
Кажутся с электропоездов.

Протрубит в лицо зелёный встречный
красноносый дачным Сирано,
только в мае помнишь – жизнь не вечна,
только в мае это всё равно.

* * *

Говоря об этом, кто о чём
думает, прикидывает. Я же
верю, что, как раньше на бочок,
на кушетку свежую приляжешь,

в тёмном зале с мебелью иной
пахнущее йодом и корицей,
как сеанс повторного кино,
детство на простынке повторится —

из гвоздей с резинкой самострел,
стрелы с акварельной каплей яда,
мульттики... А дальше я смотрел,
дальше и показывать не надо.

Михаил Свищёв родился в 1969 году в Москве. Окончил Литературный институт. Переменил массу профессий — от лаборанта и архивариуса до телохранителя, пока не остановился на журналистике. Сейчас — главный редактор издательского дома «ПЛАС-Альянс». Участник творческого объединения «Алконошь» с 1996 года. Публиковался в журналах «Наш современник», «Октябрь», «Нева», «Новая Юность», «Литературная учёба» и других. Автор пяти книг стихов. Лауреат конкурса «Заблудившийся трамвай» имени Н. С. Гумилёва, премии «Двенадцать».

Виталина Тхоржевская

Две женские баллады

Первая

Любимый мой идёт домой
По городу чужому.
Он только вышел из пивной,
И долог путь до дому.

Бутылка водки у него
И книжечка Бодлера,
А на закуску — о-го-го! —
Кусочек камамбера*.

Ещё, конечно, есть вода
И ручка и листочек
Для проходящих иногда
Конгениальных строчек.

Там, где за городом квартал
На почве запустенья,
Он вскоре сделает привал
Для пьянства и прочтенья.

Как монумент небытия
Средь шума городского,
Там пьёт и пьёт любовь моя,
И пьёт, зараза, снова.

* Хотя он его и не едал,
Но, как мне шепчет Муза,
Срифмуем тем, чем Бог послал:
Закуска не обуза.

А с ним в астрале пьёт Бодлер
И страшно веселится:
Нечасто в мире ноосфер
Вот так дадут напиться.

Он пил с Пессоа. И не раз.
А напиваясь с Блоком,
Напоминал не в бровь, а в глаз,
Как трудно быть пророком.

И Блок, конечно, понимал
И, развернувшись боком,
Ещё кивал и засыпал
На облачке далёком.

А мимо люди и жуки
Жужукают машин,
Бабёнки, дети, мужики,
И он как есть один.

Уже дочитан весь Бодлер
И впрямь, и между строк,
А мир всё так же сыр и сер,
Но есть ещё глоток!

Вторая

Я – дочь безумная безумного отца.
Вот он – мой старый Лир, успел надраться
И грозно философствует с крыльца
Про подлый мир заученных паяцев.

Корделия, он говорит, взгляни:
Я – Бог, я всемогущ, мне всё подвластно.
Уселась кошка рыжая в тени
И вежливо смотрит и безучастно.

Подагра крутит корни тёмных рук,
Издрыбла кожа блёклою корою,
Здесь может каждый день случиться «вдруг»,
Тогда капут и «богу», и «герою».

Он станет наш немой, послушный сын,
Придётся мыть его, кормить из ложки,
Беситься в ожиданье неотложки
И пыль небес сдувать с его седин.

Корделия, он говорит, прости.
Я виноват во всём, за всех и ныне
Страдаю поделом. Двора пустыня
Безмолвствует. – Стихи свои прочти.

К чему? Зачем тебе мои стихи?
Ты всё равно услышишь то, что слышишь
Всегда. Зачем ты сам давно не пишешь?
Здесь и без нас намелют чепухи.

То жигалки ему мешают спать,
То призраки сгорающей вселенной,
То лает пёс, то лезет кот в кровать,
Боль то в локте, то в чашечке коленной:
Так нелегко ему повелевать...

Он – старый дуб, что тяжело цветёт,
Чьи ветки в грубом воздухе застыли,
А я – вон та рябина у ворот,
Которую под корень подпилили.

И всё ж твой мир не старше моего,
И небеса твои моих не выше...
– Корделия! – Мой Лир! – Так, ничего...
...*Другое* небо видишь? – Да, я вижу.

Из «Разнолетья»

•

куличиком с пенька на кочку
перелетало это лето
весь мир лежал в руке Поэта
и знал про это
спускалась осень в одиночку
косясь на нас своей косою
и тонкий дождь свисал лесою
выуживая всё земное
и оставляя оболочку
невывразимого покоя

пусть жизнь запомнится такую

•

Влажный дождь касается железа,
Изредка и коротко стучит.
Темнота, как железа обреза,
Одиноко в комнате торчит.

Одеяло тело обуяло.
Как стена, подушка высока.
Неритмично, нехотя и вяло
Дождь стучит, как лишняя рука.

Лишний рот раскрылся и зевает,
Воздух, словно шарик, надувает
Пустотой своею неземной —
И сквозь дождь ныряет в мир иной.

•

Даже в предпоследнем эпилоге
Зарекаться рано от судьбы.
Время грязи. Едут по дороге
Легковые – с музыкой – гробы,
Одурев от вешних вожделий.

Не пред ними ль – на виду у всех –
Опустился грязи на колени
Полумёртвый прошлогодний снег?

Ах, они твердят, мы все там будем, –
И везут безжалостно туда,
Где лежат безжизненные люди,
Съеденные грязью, как вода.

Весталка

стёрты руки от стирки блестят
самый-самый любимый наряд

у весталки был синий чулок
и связал его собственно бог

синий-синий весенний чулок
не для рук не для глаз а для ног

для морозных прогулок её
где стирала краснея бельё

от земли где ступала нога
отделяла её синь чулка

от холодной и грязной земли
где любили её и ебли

Чувашская колыбельная

*Эбе сана юрататоп. Эбе сана** –
Дерево лодки качнулось. Очнулась волна.
Как ни корми колыбели, смотрят навзрыд.
Так, словно в смертной постели сердце лежит.

Лодку волною качает тихая мать.
Видишь, её настигает память опять.
Вырастешь – станешь солдатом, выпьешь до дна
Эбе сана юрататоп, эбе сана.

Выпьешь до самого донца, смертью смердя,
Станешь послушником солнца, храмом дождя...
Но и под взглядом пернатых только она –
Эбе сана юрататоп, эбе сана –

Будет осанною крова – кровным клеймом:
Даже подёрнувшись кровью, сгинув гнильём –
Даже в плевках автомата будет слышна:
Эбе сана юрататоп, эбе сана...

* * *

Маленькая темнота на цыпочках крадётся
в огромный Свет.
Это – я.
Но отчётливо кажется, что меня нет.
Он стоит – столбовой, прозрачный, вызолоченный
от макушки до пят.
И все в нём двигаются и болтают. Но Его не видят,
о Нём молчат.
Маленькая темнота шарахнется. Но не уменьшится, не растает.
– Он меня любит, – думает, глупая, – со мной играет...

* *Эбе сана юрататоп*, как рассказывали чувашки, значит «я тебя люблю».

* * *

выходила старая сука
весной как на бывшую работу
на истоптанный крест перекрёстка
нюхала весну во все щели
думала хорошо быть свободной
хорошо что я пенсионерка
и моё государство меня кормит
за детей моих утопших в помойном
пластмассовом коричневом вонючем
небе всеобщего блага

и ветер как вечный хозяин
трепал по задрипанной шерсти
сушил неуместные слёзы

и медали звенели в дали

Диптих

1

эта женщина сама природа
она выходит к людям из народа
из позабытых вещей деревень
из области русалок и кикимор
как меткая но маленькая тень
летающая на остров тимор
в её руке воркуют голубки
в другой её руке колдуют змейки
а в рукаве её как у реки
шевелиятся щекотные уклеики
она стоит касаясь облаков
с улыбкою пустой и бестревожной
она не спрашивает кто таков

2

женщина подкрасит губы кровью
женщина обводит очи ночью
женщина приходит после детства
в мир несёт вдовство сиротство девство
и ещё сынок полкоролевства
для того кто верно угадает
что она кому предназначает

женщина садится у зеркала
где она недавно созерцала
кровь и молоко и чертовщину
видит незнакомого мужчину
строгое безмолвное лицо
делает короткое движенье
и со звоном тяжкое кольцо
в зеркало летит на поражение

* * *

зима в столице inferнальна
зима засохшая в гвоздике
вдруг обернулась эвридикой
вдруг обернулась снег растаял

и дворник видит спозаранку
земли убогую изнанку
дешёвую её подкладку
её нелепую разгадку

как твой назон на бреге понта
всё ждёт мороженую манну
поёт финальную осанну
хор мальчиков за горизонтом

* * *

Сон в три погибели, в три жизни, в три судьбы –
Сворачивайся в шорох, саван, свиток.
Оркестры торжествующих улиток –
О, трубы медные, поющие горбы!

Куда спешит в пальтишке нараспах
Шопенишка с заснеженною гривой?
Ах, дирижируй, милый вертопрах,
Вертлявый мальчик, веточкой ленивой.

Ты в поисках дождя в чужих глазах
С дрожащей ивой, мальчик безымянный,
Спеша на смерть, приветствуем тебя,
Беспрекословный, стойкий, оловянный.

Так повторяй: Малец. Малевич. Ночь.
Прямую речь обиды затемняя
Той косвенной, которую невмочь
Уже вмещать, в молчанье претворяя.

* * *

В начале. В ожидании. В надежде.
Незримый том раскрыт, как крылья птицы.
«Не будет ничего, что было прежде, –
Ни станции, ни странниц, ни страницы...»
В начале. В ожидании. В надежде.

Прохладный ливень местного июля –
На головы, на ветви, на одежды.
Склонились прихожане. Их надули.
Они летят, как шарики надежды,

Держа в зубах оборванные нитки
Болтающегося разговора,

А на земле, как влажные улитки,
Поблёскивают купола собора.

В начале. В ожидании. В надежде.
В начало. В ожидание. В надежду.
Дождись в дожде. Мы те же и не те же.
Остались теми и не теми между —
В начале. В ожидании. В надежде.

(сноговорка)

вот моё
вот моё
меркнувшее бытие
мёрзнувшее под матрацем
белым тёплым зерно
укрываясь медным тазом
неба узкое зеро
в юбке полосатой пашни
лечь на дно и всё одно

вот моё
вот моё
трепетное бытие
на ветру руками машет
пляшет вечное своё
время стиранных рубашек
за ночь выцвело бельё
ни букашек ни ромашек
сердце белое моё

можно взять и написать
можно в клеточку закрасить
безопасен и прекрасен
сон
но спящим наплевать

вот моя
вот моя
степь застеленная смертью
словно скатертью
в пелёнках
сердце бедное моё
ходит у себя в потомках
круговая чаша
верьте
пеплу снега в зыбкой тверди

кто-то сжѐг свою тетрадь
он научится писать
на воде звезде и ветре

Из цикла «Русские песни»

Вольная

То не ягоды красныя на калине,
То не раны-те страстныя на рябине,
То милёнок мой по роковой ошибке
Вострым ножичком мне белу грудь истыкал.

От него я решетом загорожалась,
И рябиновою веткой защищалась,
И, змеёй оборотясь, под колоду,
Как вода, бежала быстро без оглядки,
Рыбой-щукой во синё морё бросалась,
Серой утицей за небо залетала.
Не догонишь меня, сокол, не поймаешь,
Не поймаешь меня, милый, не воротишь.
Вольная я, вольная отныне.

Свадебная

Говорили сроднички, кумушки-соседушки:

— Не иди за бедного, иди за богатого:

Сама в шёлке-бархате, дети сыты-кормлены,
Во палатах каменных будешь жить в веселии...

— Радуйтесь, сроднички, кумушки-соседушки:

Это мне — не вам по чужим дворам

Холодать по утрам, голодать по вечерам...

А только воля моя вольная и Господь мне судья...

Замужем

Сука-скука — сера утица,
Сера утица-паскудница
Исклевала мою душеньку,
Исклевала-издырявила,
Издырявила-измызгала,
Не измызгала — разбрызгала,
Поразбрызгала — развеяла,
По широкому раздольюшку
Размыкала серой ветошкой.

Как у тятеньки, у маменьки
Возросла невеличкою,
Ранней птичкой — алым цветиком:
Занавески белы в девичьей,
На окошке — чистый жар цветёт,
Чистый жар цветёт — глаза-то жжёт,
А глаза чужи завистливы.

Как у тятеньки, у маменьки
Кошечка была заветная —
Не простая, персияночка.
Краше не было той кошечки.
А ещё была там куколка —
Не простая, двухрублёвая,
Волосёнки у ей русые,
На ногах сапожки красные,

На плечах — монисто звончато,
Сарафан на ней узорчатый.
Краше не было той куколки.
А ещё была там спальенка,
Белая такая, светлая,
В ней постеленка пуховая,
Сны над ней летали чистые,
Словно струны родниковые,
Грязи не было ни пятнышка.
Краше не было той спальенки.

Не пускали серу утицу
Ту ни кошечка, ни куколка,
Ходу не было ей в спальенку,
Где светло моё девичество
Лёгким облачком истаяло...

А теперь уж всё обратное:
Всё обратное — немилое,
Всё немилое — нелюбое...
Сука-скука — сера утица —
Со душой моей разлучница.

Девушка печалица

ой ты сад ты виноград ты
вертоград калитка сорвана
твои двери перекошены
руки-ветки пообломаны
губы-ягоды искусаны
где ты сокол мой ты финист мой
моё пёрышко залётное
улетела моя пташечка
ой ты сад ты виноград ты
вертоград грозой растерзанный

уж я к стражникам не видели
а не видели обидели
пьяная иду усталая
с кабака в кабак шатаюся

утром стану я нечёсана
побреду я неумытая
что не видели
не видели
дайте ж мне проклятой водочки
дайте мне огня ядрёного
чтобы выжег всю печаль во мне
чтобы кудри твои выжег он
чтобы очи твои выжег он
чтобы имя твоё выжег он
и лежала б я пропащая
раскопейка заваливающая
всем ненужная гулящая
пьянь паскудная ледащая
ой ты сад ты виноград ты
распроклятая любовь

Плясовая-бедовая

Ох, беды не отвести,
Эх, беды не отвести,
Мне беды не отвести
Да от буйной головы.

Ни рукою, ни клюкою
Мне беды не отвести,
Ни рекою, ни строкою
Да от буйной головы.

Ни подмогой, ни острогой,
Ни порогом, ни острогом,
Ни молитвой, ни постом
Ни сегодня, ни потом —

Ох, беды не отвести,
Эх, беды не отвести,
Мне беды не отвести
Да от буйной головы.

Ни весельем, ни бездельем
Мне беды не отвести,
Ни питьём и ни похмельем
Да от буйной головы.

Ни взлететь на небо галкой,
Ни уйти на дно русалкой,
Ни рябинушкой плакучей
Спрятаться от неминучей.

Ох, беды не отвести,
Эх, беды не отвести,
Мне беды не отвести
Да от буйной головы.

По лесной брела тропинке —
Мне беды не отвести
За все ягоды-малинки —
Да от буйной головы.

Да ты, моя беда-беда,
Раз уж так, беги сюда —
Мы покумимся-посестримся,
Примирился навсегда.

Раз мне беды не отвести,
Эх, мне беды не отвести,
Ох, мне беды не отвести
Да от буйной головы.

Прощание

как в страстную середу
муж сдавал свою жену
целовал-да обнимал-да
близко к сердцу прижимал-да
ты жена моя жена
голова повыжжена
я ль тебе не мужених
отжени свой смертный страх

два колодезя пустых
вижу у тебя в очах
погружая красный крест
в вирусоносители
мчатся-мчатся с дальних мест
ангелы-хранители
муж уехал в могилёв
а жена за ним в ростов
а потом назло ему
улетела в кострому
а кострома та кострома
золотых огней полна
вся румяна-пышна
как чужая жена
руки белые ломай
рай-веночки завивай
ты жена ль моя жена
голова повыжжена
жили мы с тобой в раю
вили мы с тобой семью
отжени свой смертный страх
я твой посох и очаг
я твой стебель и побег
ляжь со мной на смертный снег
снег уйдёт и боль уйдёт
белый ангел у ворот
красным посохом-крестом
мир возносит над гнездом

Виталина Тхоржевская родилась в 1971 году в Свердловске. Училась на филфаке Уральского государственного университета, в Литературном институте, окончила Уральский государственный педагогический университет. Постоянный автор «Алконоста» с 1997 года. Публиковалась в журналах «Урал», «Октябрь», «Союз писателей», в «Антологии уральской поэзии» и других изданиях. Автор книг стихов «Птичья память» (1991) и «Путешествие в обратную сторону» (1994). Живёт в Екатеринбурге.

Александр Переверзин

* * *

стало холодно совсем зябко
не люблю октябрь непогоду
говорила так моя бабка
причитала только б не в воду

не погост у нас а болото
торфяная дождь пройдёт жижа
только бы не в воду не в воду
на пригорке там посуше повыше

всё бессвязней говорила всё глуше
на пригорке там повыше посуше
он зелёным станет ранней весной
там сосна ещё стоит под сосною

Пламя

Очередное чёрно-белое
документальное кино:
в железной рамке опустелая
платформа Косино.

Зима просторная и жуткая —
кругом, куда ни посмотри,
смертельный холод с промежутками
последней, как всегда, любви.

Обживши тамбур многоразовый,
окно застывшее протри.
Живи и миру не показывай,
какое бесится внутри.

* * *

тополя люди здания
облака облака
колесо-испытание
в парке вднх

в кубе свежеекрашенном
сделав круг до земли
астронавты бесстрашные
задохнуться могли

распалённые встречные
губ губами ловцы
наверху были вечными
а сошли мертвецы

* * *

Все вышли из земли и все в неё войдут.
Переступая, ветер проберётся
в беспозвоночный и глухой уют
ещё не набежавшего колодца.

Заточенным штыком раскроют глубину,
перерубая кряжистые корни,
с рассыпчатого дна увидят вышину,
присядут покурить на свежем дёрне.

Бросая трижды землю навсегда,
пойдут по кругу взрослые, как дети.
И воздух светел, и чиста вода,
и всхлипы эти, причитанья эти...

Покажется, что пропасть широка,
не хватит скорбной силы хороводу,
и только землекопы в три штыка
доделают привычную работу.

А я смотрю на это не дыша
и чувствую, что в тишине гудящей
вся жизнь моя, вся лёгкая душа
боится оказаться настоящей.

* * *

влетает ворон нелюбви
распахивает ад
железом бей огнём травы
не улетит назад

не улетит пока в груди
есть мясо для страстей
но вот насытился гляди
не трогает костей

он ворон больше ничего —
клюв лапы пара крыл
я видел изнутри его
я им однажды был

* * *

По тропе над глубоким оврагом,
от церкви Предтечи, что наверху,
мы спускались осторожным шагом
с кладбища, где надгробья во мху.

Вдоль тропы тянулась сигнальная лента,
над обрывом качалась тополиная взвесь.
Мы остановились у информационного стенда
с надписью «Вы находитесь здесь».

Десятью минутами ранее,
проходя кладбищенский квест,
ты обратила внимание
на приставленный к дереву крест.

Прямоугольник латуни
на проволоке повис.
Ржавый крест мы зачем-то в траву воткнули
и спустились вниз.

Здесь Москва-река, голоса и лица,
здесь хохочет в компании жизнелюб,
а поодаль над мёртвой живая птица
раскрывает клюв.

Вы находитесь здесь.
Вот дорога к воротам,
водяная мельница, кассы, храм.
За реки неестественным поворотом
всё кончается.
Мы находимся там,

где деревья свисают чёрно́ и плотно,
собирая сумерки по частям,
и светящийся череп поочерёдно
примеряют к острым своим костям.

* * *

Город не на Вологде-реке,
не на проступающей разрухе,
не на колокольном сквозняке,
а на неприметной Золотухе.

Тёмная бездонная река
с устьем зарастающим рыбацким.
Намертво зажаты берега
Каменным и Мяснорядским.

И на берегу её на левом
колокольчики со львиным зевом.
А на берегу её на правом
ранка на Николе одноглавом.

Рыбакам подводные ключи
как-то раз устроили проверки.
Одного из них спасли врачи,
а другую – жук и водомерки.

* * *

Мне обещали: ты умрёшь.
Но это ложь.
Ведь ночью, вызвав Uber,
я до утра не умер.

Мне говорили: погоди,
всё впереди,
заглохнет твой пропеллер.
Но я им не поверил.

Катался с цирком-шапито,
скакун в пальто,
курил в авто,
выглядывал за шторку,
вычитывал подборку.

Так продолжалось двести лет,
я незаметно стал скелет.
Земля восьмиугольна,
и мне смешно и больно.

* * *

В первый шли по реке,
река неглубока:
высокие берега,
камни и лес вдалеке.

В моей, торфяной, западни,
моя необжита,
а здесь прозрачна вода:
мальки и твои ступни.

Во второй над лесом пожар
погасил, пролетая, ворон.
В автобусе свет дрожал,
когда возвращались в город.

В третий на близкий вокзал
проводила из дома.
Я за хлястик тебя держал,
видя, что невесома.

* * *

Дед всегда говорил маме:
не называй их нашими именами.
Как, придёт время, ты Кать и Алёш
пустишь под нож?

Какая Варька, какой Борька?
Называй Рябина, называй Зорька,
да хоть Ласточка, хоть Лебеда.
Но нашими – никогда.

Поэтому до четвёртого класса
я дружил с Кувшинкой, любил Водокраса,
носил в стойло Эльфу сахар и мел,
а с людьми дружить не хотел.

Утро

Анне

Чтобы ты не пугалась грозы,
в дождь тебя мы к себе переносим.
За бетонной стеной бьют часы:
семь? а может быть, восемь?

Твой отец, на ладонь опершись,
получивший всё это даром —
тигра, зеркальце и вторую жизнь, —
отсчитает удар за ударом.

Всё сильнее у тебя под ногой
никуда выгибается плёнка.
Ты проснёшься, прижмёшься щекой.
Я тебя усажу на ягнёнка.

Мы поедем, где му и где бе, —
в беспорядок вчерашний.
Там в квадратном окне будет виден тебе
кран подъёмный и страшный.

* * *

Я смерть не звал, она сама,
пролив случайно варево,
декоративного сома
достала из аквариума

и понесла его туда,
где алчущие птицы
раскачивают провода
и где земля дымится.

* * *

Выезжали в ночи на Прилуки,
где качался фонарь у забора,
пожимали некрепкие руки,
до рассвета вели разговоры.

Николай Емельянович Смертин,
сорок третьего года рожденья,
хлебосолен был и милосерден,
водку выставил, чай и варенье.

Провожать вышел в пыльнике летнем,
с Рождеством поздравлял, с Новым годом,
говорил, что он будет последним
для него, что позвали за мёдом.

Кто позвал и куда? Не ответил,
усмехнулся: за ёлочным мёдом.
И стоял, раскосмачен и светел,
и исчез за вторым поворотом.

* * *

То по домофону говорит,
то глядит в застывшие потёмки
на электробудку и «Магнит»
и не дышит, как в рентгеносъёмке.
То пройдёт дорогу под землёй,
то застынет на скамье квадратной,
то, представив время шестернёй,
крутит его мысленно обратно.
То везёт Осириса в метро,
то лежит в пальто на одеяле.
Для чего он делает не то,
что ему полжизни объясняли?

* * *

Всю ночь с дороги доносился страх:
то скорая, то скрип тяжёлых петель,
то пахло гарью и взвевался пепел
и оседал в разбуженных дворах.

Спускался человек с ж/д моста,
и голуби его опережали.
Когда он исчезал за гаражами,
в Шатуре наступала пустота.

Ты говоришь: она неизлечима.
Но почему её нарушил крик?
Кого она не умирать учила
и кто её любимый ученик?

* * *

Ты молчишь. Я тоже буду молчать.

Ван Гог

Кто пытается местных ворон и грачей
обучить тишине и смиренью?
Кто ползёт по паркету, боится врачей,
просит мёртвой воды и прощенья?

Надвигается сверху галлюциноген,
чей-то смокинг пришёл по картины:
то ли тусклый Лаваль, то ли мутный Гоген,
и в глазницах его — мандарины.

Белокож и похож на посмертный портрет:
голый череп, коробочки с краской.
— Скоро полночь, Винсент, почему не одет?
Озирается, смотрит с опаской.

* * *

Когда я вдаль смотрю с моста,
я понимаю, что за Сходней
Россией правит пустота
и делает её свободней.
Боятся пустоты враги
и не даются нам в объятья.
От Солигалича до Мги
свободными гуляют братья.
Меняют гривны на рубли,
ломают на морозе спички.
Пересчитай людей моей земли.
Возьми в кавычки.

* * *

Через поле ушёл под Зубцовом
без ножа в грибно-ягодный лес
и, как в триллере образцовом,
под Зубцовом бесследно исчез.
Две недели прошло, на работу
не вернулся, не вышел на связь.
То ли срезать решил по болоту,
то ли мина с войны дождалась.
Снег январский всё валит и валит,
берега замечает реки.
Воят волки, не спит «Лиза Алерт»,
бродят с ружьями лесники.
Приезжала сестра из Ростова,
экстрасенса в Зубцов привезла.
Он то слушает Круга, то снова
на сестру матерится со зла.
На закате кровавятся кроны,
а под утро выходят в поля
в сапогах переростки-вороны
и дрожит за Вазузой земля.

* * *

У Осипа сухарь за пазухой,
звезда прозрачная и бубен.
Он августовской крымской засухой
ведёт к ручью, и путь нетруден.

У Велимира — плачи Углича
и торфа влажная прослойка.
По иллюстрациям Митурича
кукушку ищет он и сойку.

Марина же ночами долгими
с лисицей знаетса, с совой.
Песок с засохшими иголками
смешали ей над головой.

* * *

Их тысячи, их миллионы,
они вокруг.
Зовут их просто — покемоны,
мой юный друг.

Поймал такого на Варварке
три дня назад.
А он дерётся из-под палки,
трусливый гад.

Он плачет, он читает Фета,
он в плащ одет,
он мне признался по секрету,
что он поэт.

В стихах его такие муки,
такая страсть...

«О, в человеческие руки
не дай попасть!»

Все люди звери, звери, звери!
Все люди – гнусь.
Я никому из них не верю.
Я их боюсь.

Они ночами из розеток
качают ток.
Смартфоны их страшнее клеток.
Спаси нас, Блок!»

* * *

Выходил отец из леса,
говорил отец: пойдём,
за невидимой завесой
будет сини водоём.
Невесомой белой сини.
Там игрой на окарине
зазывают на причал.
Помнишь, плавали на даче?
Поплывём, сынок, поплачем...
Я ему не отвечал.

* * *

Вот твой плащ,
а тебя нет,
год болящ
и отпет.

Ходишь там,
плащ ища,
не отдам
я тебе плаща.

Нет, не нужней,
просто здесь
для твоих вещей
плечики есть.

* * *

Лете Югай

А что за этими коробками?
Листва и комьями земля,
травинки с божьими коровками,
шмели, обрезки горбыля.

А для чего забор и лестница?
Оттуда прилетает мяч,
когда засушливые месяцы
и ветер резок и горяч.

А дальше? Поле мать-и-мачехи,
берёзы, редкие кусты,
канава, солнечные зайчики,
кукушки, ласточки, кресты.

А что за ними? Мне неведомо,
ни разу не ходил туда,
быть может, что-нибудь из этого:
огонь, сиянье, пустота.

Никола Вологодский

Нюксеница

поют мужики

Сухона-Сухона –
валят лес два плотника.
На берегу икона
Никола Угодника.

Николая Зимнего,
заступника здешних мест.
Попросить хотим его
помочь нести свой крест.

Чтобы наши лодочки
плыли до Архангельцка
да не по одной ходоцке,
пусть песня не ивангельцка,
Никола Святый с нами,
а в Нюксенице бабоньки
помолятся во храме,
ой да божьи рабоньки.

Устюг

говорит баба

Течёт на север река Юг,
весною деверь взялся за плуг.
Взялся летом деверь за ко́су,
много в этом годе покосу.
Осенью деверь вышел на плёс,
Юг на север его унёс.
Поедем в Устюг по голому полю,
вернуть мужицка попросим Николю.

Тотьма

рассказывает мужик

В Тотьме будешь коли,
первым делом там
зайди в Успенский храм,
покажись Николе.

А не то в путину
даст лодчонка течь,
да натащат тину
в сети язь и лещ.

Грязовец

рассказывает старуха

Никола шёл из Новограда,
болото да сосновый лес.
Под Грязовцем ждала засада.
Он покорился: ваша сила,
отдал, что за спиною было,
перекрестился и исчез.
Разбойнички потёрли глаза
и греют руки на кострах,
до этой вечера ни разу
не понимали стыд и страх.

Александр Переверзин родился в 1974 году в городе Рошаль Московской области. Учился в Литературном институте, окончил сценарный факультет ВГИКа. Участник творческого объединения «Алконостъ» с 2002 года. Автор книги стихов «Документальное кино» (2009) и публикаций в журналах «Арион», «Новый мир», «Октябрь», «Prosōdia», «Новый берег» и других. Лауреат премии «Московский счёт» за лучшую дебютную книгу (2009), Волошинской премии (2010) и других. Живёт в Люберцах.

Ната Сучкова

* * *

Был пруд, и в том пруду – полно амфибий.
– О, греки амфибрахий и пиррихий! –
Загон, в котором я пасу гусей,
стрижи, что разгромили партитуру,
клянусь тобой, моя литература,
мне никаких не надо новостей!

Вот облако зависло мягкой глыбой,
есть фото: баба Маня чистит рыбу –
пузатых задремавших карасей.

Есть фото, на котором живы все.

Они как будто дымом или фоном,
слегка не в фокусе или совсем за домом,
уехали на рынок, за грибами,
ушли на озеро или стоят за баней,
и всё же – где-то рядом с бабой Маней,
за ситцевой худой её спиной.

Оглянется – они стоят стеной.

И крутится щенок, как заводной,
и радуется, и немного трусит,
и котики, схороненные Люсей,
и котики, схороненные мной...
И крутит колесо своё фортуна,
и латы карасей лежат, латунны.
Мне больше даже нечего просить!
За этот вдох или за этот выдох.
– О, греки амфибрахий и пиррихий! –
За то, что я могу их воскресить.

* * *

Хорошо да сладко спати, не бояся мёртвых,
в старом бабкином халате, на грудях протёртом.

Никого не узнавати, точно знать, наверно,
в новом матушкином платье, что твоя царевна.

В одеяльце тонкой байки спать да спать укрывшись,
в тяткиной линиялой майке с лопнувшей подмышкой.

Хорошо да сладко спати, знать, что смерти нету,
пусть толпятся у кровати, согревают светом.

Но они кровать качают, одеялку тянут,
свет рассветный излучают, ждут, когда я встану.

Встану-встану, дорогие, наведу порядок –
прополоть приду могилоч сумрачные грядки.

Вы теперь опять далече, оттого тиха я,
улыбнись лишь, как замечу бабочку, жука ли.

* * *

Даже не волей – порывом отчаяния
Вспомнить то время: меня ещё нет,
Папа заходит и ставит чайник,
Мама заходит и выключает
Чайник и гасит свет.
Вот они в сумерках непроглядных,
Боже, ещё их мгновенье не тронь!
Мама его по щеке погладит.
(Время – короткое, как халатик.)
Папа её поцелует в ладонь.
Что с этим делать, увы, непонятно:
Крикнуть, прижаться, бежать со всех ног?

Я получился такой невнятный
(Равно похожий? Ну, это вряд ли...),
Ломанный, как цветок.
Я им придумал за всё, что забыто,
Вроде бы так отдаю должок.
Вот и стою, как цветок, — раскрытый,
Укоренённый, втоптаный, врытый —
Там, где меня — не должно.

* * *

На башенном кране написано «РЖЕВ»,
Два ангела — в шлёпках, в исподнем,
Не видно, прилипнув к стеклу, приржавев,
Что в облаке их происходит.

— Товарищ начальник, болит голова,
До пёрышка ватник промок!
— Какая погода, какая страна,
Какое столетье, милоч?

К ребру батареи приклеен носок,
Футболки на шконке навалом,
И серого неба колючий кусок,
Подоткнутый, как одеяло.

* * *

Рыжий в коляске — с одной диатезной щекой,
белоголовый — с румянцем на обе щёки,
небо такое, что можно достать рукой,
низкое небо, как потолок в хрущёвке.

Что-то такое, чего не возьмёшь с собой.
Рваные облака, из щелей вылезает вата,

улица узкая — просто толкнуть рукой,
тесная улица, как прихожая с самокатом.

В старых обоях, изученных до запятой,
в краске зелёной, в пожухлой траве облезлой,
и никого из них не забрать с собой —
вон они сгрудились, потные, у подъезда.

Эта чугунная ванна была страной,
точно броня, тяжела, и её тащили
папа и дядя Коля. Стоят спиной.
Невероятно сильные и большие.

* * *

Говорит дед Никола, окая, давно уже мёртвому деду Борису:
«Лучше видно вот с этого облака, что в цветной тебе телевизор!
Или с дота того, непрочного, вон, всё в дырах залатанных,
в щёлях,

Что ж ты плохо следишь за дочерью, или,
как тут глаголят, дщерью?»

Отвечает Борис вновь прибывшему бородатому Николаю:
«Здесь нельзя смотреть вниз, как по телевизору
про цыганей и Будулая,

Ничего здесь, прошу, не трогайте — эта оптика дорогая,
Я давно тут, и я на многое про живых глаза закрываю.
Если б жизнь на земле ворочалась волей нашей — и нашей тоже,
Я бы вашего сына дочери пожелал бы в мужья? Что ж — может...»
Пропустили бы, эх, по маленькой, со знакомством —
пехота с танкистом,

Дед Никола — худой и старенький, дед Борис — молодой,
плечистый.

Обходя кучевые тучные только с краю, по бороздам:
«До чего ж хорошо окучено, я бы лучше не сделал сам!»
Так и ходят: у Николая в рукаве мельтешит пчела,
А Борису шинель полевая, ох, мала, и давно мала,
Собирают в кисет солдатский (табачку бы!) цветки акаций,
И никак не договорятся, и никак не наговорятся.

* * *

Первый муж – Василий и второй – Василий,
Первый нелюбимый, а второй – ох, сильно!
Васька – окаянный, Вася – золотой,
Не донежил первый, помер и второй.
– Ноги-то не ходят, ты уж отнеси
Свечку на медовый Васе-Иваси.
Сунула бумажку и конфет дешёвых:
– Да не перепутай, это – за второго!
Царствия небесного Васе попроси!
Ходят почтальонши по святой Руси.
– Да не перепутай! – Ну уж, чай, не дура!
В первый раз как будто! Что ты, баба Шура!
– Тут тебе не почта, аккуратно надо,
Ну как перепутаешь, Люся, адресата!
И всю ночь бродила – чаю напилася:
«Ох, Васюта-милый! Ах, скотина-Вася!»

* * *

В инстаграме Пушкина – зимняя дорога,
Маша-недотрога, синие глаза.
Лайкает Жуковский, пара-тройка ботов,
Бенкендорф не лайкает Пушкина, нельзя.

В инстаграме Пушкина дворики одесские,
дюжина шампанского, устрицы во льду,
пистолет на бархате, папильотки женские,
валенки извозчиков – обновы, найду.

Дальше – лет за сто листай – автор нас не радует:
мутное и зябкое, строки от руки,
воробьи и ангелы, облака и радуги
и вопрос от Дельвига: «Пушкин, где стихи?»

* * *

Напекла как-то бабка пирогов с котятками —
то ли тронулась, то ли просто датая...
В общем, как-то вот так — напекла.
И собаке своей дала.
А собака — не дура: живём-то в Рязани,
не такой повидали жратвы глазами,
не совсем в Рязани, но, в общем, близко,
километров семьсот или триста.
Что котятка ей? Ерунда!
Повозилась часик, ну, полтора:
у того припёк — поперёк,
у того голова — едва.
Пропеклись не очень, но всё еда,
одного сгоревшего прибрала,
остальных раздала — вообще не беда,
супом луковым, крынкой кефирной сыта.
Все пристроены, в добрых мурчат руках,
сдобой пахнущие, выращенные в пирогах,
о, хвала Авито!
Бабка злющая в доме стучит клюкой,
а тебе, собака, в дом — ни ногой!
Вот сиди на крылечке и плакай —
ни одной теперь грязной лапой!
А собака села на поезд сапсан
и была такова — коль сама с усам!
И жила потом
с Угольком-котом
в бывшем городе Ленинграде,
на канале Лиговском,
над мостом,
где-то между булочной и гнездом,
сбором мусора
Христа ради.

* * *

Притормози слегка, раскручивая глобус:
Вот — море, вот — река, полей кривой отрез,
Старухи едут в рай, набились в автобус,
Водитель ждёт старух, кондуктор ждёт чудес.

Прекрасно и легко всё в этой мизансцене —
Их лица не видны, но пёстро от платков,
И выцвела давно вторая часть «Райцентра».
Старухи едут в рай — не очень далеко.

И он спешит туда — в засаленной спецовке,
С нехитрым барахлом на собственном горбу,
Оставь его стоять на этой остановке,
Он постоит, ему — не скучно одному.

Он постоит ещё, его надолго хватит,
Пусть держится на нём вот этот край небес,
Пришли за ним потом воздушный самокатик
Или заставь идти на лыжах через лес.

* * *

— Что там по левому борту плывёт?
— Это лёд, на реке — ледоход.
— Что там по правому борту плывёт?
— Это порт, здесь сто лет, Саня, порт!

— То ли утопленник, то ли топляк?
Не разобрать, а жалко.
— Ну что ты вылупился, а, сопляк?
Дай прикурить русалке!

— А куда вы, русалки, студёной зимой,
Если лёд до корней намерзает?
— На вокзале ночуем, хорошенький мой,
Так-то, рыба моя, на вокзале.

– А куда вы, русалки, безумной весной,
Если волны суровы и льдисты?

– На вокзале ночуем, хорошенький мой,
Да ещё у знакомых таксистов.

– Ну а летом, скажи мне, идёте куда,
Если наша река высыхает?

– Проводницами ездим смотреть города,
А по правде сказать – на вокзале.

– Ну а осенью тёмная, злая вода,
Вы, конечно, опять на вокзале,
Кто же путает сети, скажи, нам тогда,
Кто нам снасти тогда обрезает?

– Это рыбки-поганки да маленький ёрш
Или вовсе, мой сладкий, Хозяин.

– Саня, ёшкин же кошkin, смотри, куда прёшь!
Что ты варежку, Саня, раззявил!

* * *

Дыша духами и туманами,
одеколоном «Шипр» – без сдачи нам! –
здесь называют ресторанами
уборные, чуть отстоящие
от домиков кривых, потерянных,
но крепких дедовых, приземистых,
где сотни лет идёт по телику
прекрасное «Давай поженимся».

Где – прямо шёл, так и заблудишься,
а чуть свернул – всё ясно стало,
где разливают «Шипр» по блюдечкам
за неимением бокалов.

И тот альбом, где все покойники
отдельно сложены, припрятан,
и кролики с глазами кроликов
из клеток смотрят аккуратных.

* * *

Стоят, сполна всего помыкав
среди затоновской шпаны,
у бара «Золотая рыбка»,
торжественные, как волхвы,
чернее угря Вася-Череп,
белее моли Ваня-Хан,
стоят в рождественский сочельник,
фанфурик делят пополам.
И мимо них — куда им деться?
не раствориться никуда —
везут на саночках младенца,
и загорается звезда.

* * *

Наверху земного шара, в самой чаще хвойника,
Вера и овчарка Шао с парой расконвойников.

Здесь, в лесу, и то — измена, внутренний не дремлет враг,
Ни во что не верит Вера, только — в преданных собак.

Инородцы, страсотерпцы, поселенцы вечные,
Но её большое сердце, точно блюдо, в трещинах.

— Мы с собакой околели! Вечность с вами возимся!
Флору снега — по колено, Лавру — выше пояса.

— Руки-ноги целы вроде? Шевелись, архаровцы!
Жизнь на свете происходит дальше, чем за Харовском.

И они бредут устало, те и эти — наши:
Вера и овчарка Шао с парой доходяжек.

Лес в подпалинах пожара, и кровит под лапами.
Наверху земного шара голубая маковка.

* * *

Мы поймали двух лещей, одного подлещика,
Со вчера полно борщей, щи и суп гороховый,
Я живу в краю родном, наблюдаю ход вещей,
Я живу в краю родном, разве что не окаю.
Тот кулик его хулит, тот кулик — нахваливат,
По задворкам не пройти, снег да грязь в проталинах,
Разбежались сапоги — левые и правые,
Мы же, валенки, стоим, разве что не квакаем.
Принимаем ход вещей и собак на привязи,
Изловили дыр бул щил и обратно выпустим.

* * *

Что дальше Вологды, ребята?
Архангельск, Котлас, Воркута.
В какой карман захочет спрятать
тебя красавица-страна?

Что дальше Вологды, касатики?
Так Воркута же есть, браток?
Из мандельштамовского ватника,
из пастернаковских сапог

вытряхивай свою убогую
и понимай, что вырос ты
из фрака, из шинели Гоголя,
из Петербурга, из Москвы.

Ната Сучкова родилась в Вологде в 1976 году. Окончила Литературный институт. Постоянный автор «Алконоста» с 2004 года. Стихи публиковались в журналах «Новый мир», «Знамя», «Арион», «Дружба народов», альманахе «Вавилон», антологии «Нестолничная литература» и других. Автор книг стихов «Лирический герой» (2010), «Деревенская проза» (2011), «Ход вещей» (2014), «Страна» (2020). Стипендиат фонда А.Телфера (2000), лауреат Малой премии «Московский счёт» (2011) и других.

Анна Логвинова

* * *

я так живу все эти дни
как будто у меня их много
ну что ж туда им и дорога

ну что ж туда им и дорога
а вот куда же им дорога?
в соцсети в грусть в обиды в леность?

в соцсети в грусть в обиды в леность?
да нет уж лучше я оденусь
пойду на тучи посмотрю

пойду на тучи посмотрю
мороз ползёт в мою ноздрю
посуда хрюкает хрю-хрю

посуда хрюкает хрю-хрю
а вот теперь высоким слогом
воспеть нам нужно что-нибудь

воспеть нам нужно что-нибудь
любовь родительство работу
высоким слогом ну хоть что-то

а что вот дочка засыпая
точней как раз не засыпая
сказала мамочка зима уснуть мешает

а Расскажи мне как мой дедушка был Шариком
а бабушка была котёнком Гавом
и как вы все боялись вместе
когда ты маленькой была
и микроскоп смотрел на вас со шкафа

* * *

Вот едут забирать детей у бабушки.

Она: ну всё, я за детьми.

А он: бери побольше, разных.

Они все вместе подъезжают к дому,
и дети мчатся к двери во весь дух,
и, как самомалейшие врачи,
летят на них снежинки среди ночи,

и светят звёздные и лунные лучи.

Она — ему: бегут такие, —

а он: ага, бегут такие,

как будто у них есть ключи.

* * *

Подростки целовались за прилавком
в хозмаге (по всей видимости, дочку
владелец здесь за старшую оставил
в дождливый вечер в летнюю субботу).

Вот тут и я пришла за мухобойкой.

Чтобы смущение подростков разогнать,
спросила, не подскажут ли, какой мне
цвет мухобойки более к лицу.

Зелёный, синий или — даже — красный.

Они не стали отвечать мне как подростки:

«А чё, какая разница-то мухам», —

они мне как владельцы отвечали:

«Не всё ли будет мухам ли равно?»

А я хотела объяснить им, что не мухам,

что детям это нужно на уроках,

что на английском лучше мухобойка

усвоится при визуализации.

Но было уже где-то полседьмого,

всего-то полчаса — и закрываться.

* * *

аниматор в мексиканской шляпе
произнёс задорно
а теперь дети
обнимем все именинника
и все обняли именинника
а девочка с особенностями
крепко обняла первую попавшуюся девочку
воспитанные дети второй десятки
двадцать первого века
не подали вида не показали удивления
а родители девочки сказали
у неё вчера ведь правда
был день рождения

* * *

Мне кажется, ты этого не помнишь,
но мы ходили по Москве как птичка,
ты шёл в своём распахнутом пальто,
а я шла сзади и держала руки
в твоих карманах и летела ими.
И мы не знали – это просто вечер
или начало прям серьёзного чего-то,
друг детства позвонил тебе в карман,
сказал, что у него второй родился,
и ты ужасно вдруг развеселился
и рассказал про свой родной двадцать четвёртый
восточной долготы меридиан.
Потом вдвоём в метро зашли по пояс.
Потом меня мы провожали на мой поезд,
а на вокзале Вакарчук нам пел: «Не здамся
без бою». И мы тоже не сдались.
И мы родили нашего а boy.
И даже нашу мы а girl родили.
Нет, я не делаю из прошлого идиллию,
но мне не скажут, что я шла не той тропой.

* * *

Жизнь могла бы быть невыносимой, но фигли, фигли.
Я читаю ученикам про Хэгрида, летящего на мотоцикле,
я читаю, что у него рука
величиною с крышку мусорного бака.
Но ученики недоумевают,
но ученики не знают
слово «бак» и слово «крышка».
Вдруг как будто бы от ветерка шевельнулась книжка.
Вдруг мне в спину дует слегка.
Это значит – ты открываешь дверь.
Это значит – ты заносишь в комнату, ликуя,
мусорный бак. Теперь
у нас есть настоящий английский бак.
И я тебя спрашиваю, как это возможно.
А ты отвечаешь: а так!

* * *

Корнейка сидел на скамейке
и громко рассказывал мне,
как он по осенней аллейке
катался верхом на коне.

Как конь его мчался галопом и рысью,
но всадник был смелым, как вождь.
Потом мы ушли,
на скамейку посыпались листья
и вылился дождь.

Внезапно скамейка галопом и рысью
помчалась к скамейке другой.
«Родная, ты хочешь узнать мои мысли?
Скамейкам не нужен покой!»

* * *

В жизни многое похоже на картинки
из книжек Маршака и Агнии Барто:
похожие грузовики, похожие ботинки,
похожие шарфы вокруг воротников пальто.

И только одно летит камушком
в огород сознания:
не видно в жизни прабабушек
в кресле с вязанием.

Побежала девочка к воробьям,
побежала девочка к синицам,
спрашивает: где же прабабушка моя,
вяжущая в кресле нитками и спицами?

Синицы отвечали: если найдёшь,
нам для гнезда ниточку принесёшь.

Воробьи сказали: если найдёшь,
нам для гнезда ниточку принесёшь.

Прибежала девочка к воробьям,
прибежала девочка к синицам.
Вот она, нашлась мне прабабушка моя!
Шапку мне! Связала мне! Мне нитками! Мне спицами!

Девочка в шапке, воробьи и синички
долго вокруг прабабушки прыгали, танцевали,
а прабабушка вязала на свитере косичку,
не за что, не за что, играйте, генацвале.

* * *

Когда засыпают двое,
а вместе с ними их эго,
ночь начинает соединять
двоих одного ночлега.

И тот, кто хотел побега
ночью через фрамугу,
вдруг утром скажет: мы легио,
мы долгое легио друг друга.

* * *

об горячее и об холодное
об родное и об чужеродное
и об базовое и об производное
об искусственное и об природное
об серьёзное и об беспечное
и об вечное и об быстротечное
об душевное и об телесное
об известное и об неизвестное

обо всё обожжёшься когда
то не дуешь уже ни на что
и вокруг красота красота красота
спортлото спортлото спортлото

* * *

В дни, когда все унывают, предчувствуя осеннюю депрессию,
мне вспоминается мой миссурийский учитель истории Демпси,
как он ходил между партами, раздавая тесты,
как собирал их ещё до звонка, несмотря на протесты.

У него была настоящая американская челюсть,
настоящая американская шея, настоящий американский нос.
Он прижимал эти тесты к груди, как Венера Боттичелли,
а за очками в глазах выныривал добрый мозг.

* * *

Родители возвращались более-менее
одновременно,
и наша тройная встреча была скомканной.
Главное было без пятнадцати семь
съесть обеденный суп,
пропылесосить ковёр,
переодеться из школьной формы в халат.

У бабушки всё было по-другому –
бабушка дедушку *ждала*.

И его ежедневным встречанием в семь вечера
бабушка руководила не хуже диспетчера.

Нельзя было просто делать домашку,
нельзя было просто чистить картошку,
нельзя было просто у телека гладить кошку.

Все, кто был дома,
должны были путаться у дедушки под ногами,
не давать ему ни вымыть руки,
ни спокойно покурить на балконе
с видом на флаг на обугленном Белом доме.

* * *

Она сказала: да,
вот это тишина,
мы будто бы в колодец вечности упали,
у нас в деревне о такой и не слыхали,
а ведь глухая ночь землянину нужна.
А он ответил: нет в деревне тишины,
из-за того что лес, в лесу шумят деревья.
Она сказала: всё из-за деревьев,
подумать только, вот хулиганьё!
А он тогда поцеловал её.

* * *

Она пришла в гостиницу в очках,
чтобы знакомые не узнавали,
знакомые всегда в гостиницах стоят
вдоль пышных лестниц плотными рядами
и шепчутся:

- Похоже, не она...
- Исключено: она очки не носит...

Она пришла в гостиницу в очках,
он ей открыл — как лондонец — мятежный,
она сказала: еле поднялась,
в очках казалась лестница безбрежной,
я ничего не видела совсем,
диоптрии, наверно, минус семь.

А он сказал: почти как у меня.
Она спросила: ты меня хоть видишь?
Он обнял её плечи и так сидел три дня,
как Гарри Поттер, выигравший в квидиш.

* * *

Узнаём друг друга как? По радостности и тревожности.
Плюс взгляд одеяльный входит в комплект экоспецназа.
Мы первыми в нашем отсеке увидели новые возможности
в том, чтобы на ногах переносить любовь, как заразу.

А помнишь, один из наших закис и не сразу смог,
ходил на руках, как клоун, по станции между кабинетами.
А мы ему: в горле комок? Да что там в горле комок?
Пожалуйста вот киселю, с кашей поговори об этом.

Не помнишь, зачем мы выбрали солнечное направление?
Знали ли же, что окажемся в той части главного блока,
где если тебя твой друг целует в правую щёку,
то левую щёку подставить просто нет времени.

* * *

ты попросил меня закрыть окно
чтоб птичку снегом в ночь не заметало
и я приехала закрыть окно
и даже как скульптура постояла

квартиры бывшей запах не горек и не сладок
сутулы книжные шкафы плечист и свеж сервант
лишь птичка прыгает вокруг как консультант
немного шею накрена
в вещах в посуде в книгах особенный порядок
в них мягкость ликвидации меня

* * *

Старшая говорит:
чем смешнее прошёл урок,
чем бессрывней прошли гастроли спектакля,
чем меньше сгорели вафли,
чем дети счастливее были в течение дня,
тем больше люблю того, кого я люблю,
того, кто любит меня.

Младшая говорит: у меня всё наоборот —
чем больше меня по ходу внешний мир достаёт,
чем больше в течение дня события/люди бесят меня,
тем больше люблю того, кого я люблю,
того, кто любит меня.

Спросили у мелкого:
а вот эта девочка,
которую мы встретили в листопад?
Когда ты ей больше рад?
Когда в твоём дне всё норм
или когда в нём шторм —
и ты уже ближе к тому, чтобы отчаяться?

— И первое — нет,
и второе — нет.
Я люблю её больше всего в тот момент,
когда мы общаемся.

* * *

Он раздевался снежной ночью,
и синим тестом джинсы тёмные лились
на тумбу около кровати,
монеты из карманов высыпались,
блестя в простых лучах луны.
Жена под одеялом просыпалась
и говорила: чистый Зевс!
Шумел за окнами ветвями страшный лес,
поля снегами закипали,
сопели в детской пацаны,
носки крутились в барабане.

* * *

Ты знаешь, как я боюсь
привидений, зомби и проч.
И поэтому когда ты
возвращаешься в ночь,
а я как раз в это время
принимаю ночной душ,
ты не врываешься рассказать мне, что ты принёс на ужин, —
перед этим ты мне выключаешь
и тут же включаешь свет,
чтобы я поняла, что ты уже дома,
а зомби и привидения — нет.

* * *

– Внучки-то у нас красавицы! –
говорил дедушка.

– Чёрненькая и рыженькая! –
говорила бабушка.

– Чай не у Пронькиных! –
говорил дедушка.

– Кошка-то у нас золотая! –
говорил дедушка.

– Так скушает, что зализывает
на твоих рубашках все подмышки, –
говорила бабушка

– Чай не у Пронькиных, –
говорил дедушка.

– Женщины в Париже ох страшные, –
говорил дедушка.

– Папа тоже так считал, –
говорила бабушка.

– Чай не у Пронькиных, –
говорил дедушка.

– Молодёжь у нас в отделе толковая, –
говорил дедушка.

– Ты же столько с ними возишься! –
говорила бабушка.

– Чай не у Пронькиных, –
говорил дедушка.

– До чего же мужики в деревне умные, –
говорил дедушка.

– И тебя они все уважают, –
говорила бабушка.

– Чай не у Пронькиных, –
говорил дедушка.

Дедушка умер первым,
а за ним бабушка.

Свидетельство о смерти
выдала мне С. П. Пронькина.

* * *

Когда глава семьи проспал работу,
скорей оденься в его джинсы,
скорей надень его кроссовки,
на дно пустого целлофана
две чайных ложки погрузи,
детей стащи с кровати быстро
по направленью к коридору,
поставь их строго вертикально,
во что-то базовое их одень,
купи им завтрак в магазине
и чай в стаканчике в киоске,
и по дорожкам раньше листьев
к порогу школы приведи,
и дверь открой, чтобы вдохнуть прохладу хлорки.

И что есть духу по пригоркам мчи домой,
чтобы застать его в носках и куртке.
(Всего час десять до пятиминутки!)

Свергни глазами, как смиренный самурай,
но обувь без борьбы не отдавай.

* * *

Нас нет, зато и нет расплаты,
зато весна
и к небу тянутся травинки,
вчера я видела, как экскаватор
сносил лазурные кабинки,
стоявшие плечом к плечу,
и кто б назначил цену фотоснимку,
который бы запечатлел,
как женщина в пленительной поре
выходит будто бы из ниоткуда...

...мужчина, обретающий рассудок,
с прелестной сумочкой стоит на пустыре.

* * *

Нет, до весны себе не признаюсь,
как люто ненавижу зиму,
как я прицельно мёрзнуть не люблю,
как садо-мазо зимних видов спорта
меня пугает — как бесчувственные ноги
оттаивают в дымной раздевалке,
но это не конец, наутро — снова
подъёмы в замхарир по лестнице шнурков.

Бывает хуже — замечталась на лыжне,
летишь лицом в сугроб,
мороз терзает
не спрятанное рукавом запястье,
и палки, палки — к ним ползёшь,
и ёлки хлещут по лицу ветвями.

Прогулки по полям ещё куда ни шло,
родители идут неспешно,
и можно сапогами начертить
на бесконечном поле: Виктор.
Родители совсем отстали,
допишем: Виктор Викторович Д.
Потом в тепло,
и всю неделю тот же столик,
на нём уже салаттики стоят,
уже петрушка крылышки сложила.

* * *

— Я не судья, я канцелярия! —
сказала девушка с задорным хвостиком.
— А что писать?
Пишите так:
характерами не сошлись!

— Да мы не то чтоб даже не сошлись,
мы просто ими обменялись так на так, —
сказал истец.

— Угу,
тогда пишете так:
взаимопонимание ушло.

— Наоборот — пришло! —
вскричал ответчик.

А люди что обычно пишут?

— А все по-разному, кто как.

— Ответчик, только посмотрите,
какой ужасный почерк у истца,
давайте вы!

— Давайте!

— Нет, у вас
ещё ужасней.

Всё,
пишете в две руки,
а я уж лучший вариант вам, так и быть, отксерю,
а то в трёх экземплярах вы под дверью
до ночи будете тут мять черновики.

* * *

он засыпает в пробке
и думает о ней
выходит на парковке
и думает о ней

заходит в лифт и в офис
и думает о ней
к недоброму готовясь
он думает о ней

сидит на совещании
и думает о ней
взял рису с овощами
и думает о ней

закрыл в машине окна
и думает о ней
при входе чем-то грохнул
и думает о ней

включает воду в душе
и думает о ней
выходит голым в стужу
при свете фонарей

под чистой поясницей
нащупывает пульт
а за окном снежинки
как души чёрных пуль

в кого-то не попавших
зато попавших в рай
ложатся белой кашей
на дровяной сарай

всё засыпает тихо
а сон метёт метёт
в нём светит как клубника
вечерний самолёт

ситкомовские лица
свернулись в огоньки
она ему приснится
под ветками руки

* * *

если бы я была сказочной невестой
и испытание бы для тебя выбирала
я выбрала бы для встречи такое место
которое хуже всего подходит
для того чтобы дочка там заорала

я сказала бы пригласите
меня в сити

там где фонтан выстреливает
в стеклянный потолок
там-то мы и проведём предельной
любви урок

как чудесно это ещё и место твоей работы
дочка ты не забыла орландинские ноты

вот он этот звук
выстреливает ввысь
бе-
ре-
гись

на нас устремляются тысячи негодующих
специализированных частей мозга
а ты мне подмигиваешь смехообразующе
так как будто вокруг шелестят берёзки

или будто снег крупного помола
засыпает окна деревенского бара
и открытые в ужасе рты посетителей афимолла
это просто светомузыка диско-шара

* * *

иногда мне моё мышление клиповое
возвращает те одиннадцать лет что мы прожили
и где я то Аглая то Настасья Филипповна
и где ты мне Лев Мышкин и Парфён Рогожин

а потом нас откидывает в другую реальность
где в китайские баулы застёгнуто личное
и мы курим вдвоём в самом центре проталины
сына стричь нам или не стричь сына стричь нам или не стричь

и все люди вокруг которые так назяблись
и которых едва не расплющили их мечт дирижабли
но из сумрака свет набирает осенний физалис
и встают из-под ног в полный рост офигевшие грабли

нам ни жертв ни ответов уже друг от друга не надо
только добрая воля симпатия и спокойное слово
пресноводных улыбок небольшие уловы
и всё то чем мы были когда-то
и всё то что при жизни дышало на ладан
в новом дне рядом с нами стоит сном неразгаданным

* * *

Сидели три студента в общежитии,
вдруг девушка идёт с зелёными глазами,
все трое её мысленно похитили,
а вот послушайте, что вслух сказали.

Один сказал: «А я Володя».
Второй сказал: «И я Володя».
Она сверкнула хризолитами на третьего
и говорит: «И вы Володя?»

А он ответил ей: «Да вроде...
Пойдёте замуж за меня?»
И покраснели до ушей свидетели.

Три месяца встречал и провожал как танк,
Вот локоть к локтю заявленье пишут.
И вдруг невеста разрывает бланк,
увидев, что Володя — это Гриша.

Да, шутки первой он не мог не поддержать,
да, девушке нельзя мириться с ложью.
Они подали заявление чуть позже,
и засинели звезды, как печать.

* * *

Вечерний дождик в пражском зоопарке,
олений плохо видно под дождём,
они друг к другу прижимаются, как листья,
и маленькие от больших ни шагу.

У края клетки уссурийский тигр
ревёт и стонет в сне наспинном,
и в этом звуке человеческого
сверх меры.

Павлин сбежал и бегаёт свободный
по мокрым каменным дорожкам.

Причудливость погоды и холмов,
была река — через мгновенье нет реки,
а завтра снова сбудется любовь
и фраза: «Вы вернулись, кнедлики».

Анна Логвинова родилась в 1979 году в Виннице, в три года переехала в Москву. Окончила факультет журналистики МГУ. Постоянный автор «Алконоста» с 2006 года. Публиковалась в журналах «Новый мир», «Знамя», «Арион», Homo Legens и других. Автор книг стихотворений «Осенне-зимний разговорник» (2004; совместно с Дмитрием Мелкиным) и «Кенгурские стихи» (2009). Лауреат премии «Дебют» (2004). Живёт в подмосковной деревне Сорокино.

Марина Мурсалова

* * *

На любой случайной пьянке
В каждом скверном городке,
На далёком полустанке,
На неведомой реке —

Есть всегда один, который
Меньше многих пьёт вина.
Встанет он, зайдёт за шторы
И застынет у окна.

Если постоять немножко —
Эта тьма уже не тьма:
Серебристая дорожка,
Деревенские дома.

Терпеливо, терпеливо
Человек глядит во тьму.
День прошедший, миг счастливый
Больно вспоминать ему.

А зачем он вспоминает,
Если больно вспоминать?
Этого никто не знает.
Кто же может это знать.

* * *

Хорошо по городу идти
В первый день, когда уже не праздник:
Ни блевотины, ни конфетти,
Тишина — не город, а заказник.

Видимо, сегодня поутру
Выпустили добрую машину,
Чтоб она сгребла всю мишуру
И отмыла каждую витрину.

Солнце светит. В тысячах зеркал
Дольний мир заснежен и размножен.
Ты кого-то в городе искал —
Значит, ты не очень безнадежен.

Если можешь вспомнить что-нибудь
Между Рождеством и Новым годом —
Ты не безнадежен, не забудь,
Ты ещё проснёшься с ледоходом.

Солнце понеслось во весь опор.
Что, уже действительно второе?
Как мы продержались до сих пор?
Мы с тобой последние герои.

Мы с тобою выиграли бой,
Мы с тобой не отдали ворота.
Жалко, я не знаю, что с тобой.
Вообще не знаю, где ты, кто ты.

* * *

ишь что выдумал — незачем ему тосковать
надо жить работать голосовать
ишь что выдумал — некогда ему тосковать
на носу отчёт в шесть утра вставать

тоскованье приходит с большим кирпичом
весь тайм-менеджмент ему нипочём

вылетит в трубу твой фитнес
ежеутренний твой кефир

твой испанский язык полетит как фанера
над рекою Гвадалквивир

ишь что выдумал супермен — некогда ему тосковать
ишь что удумал дурачок — неохота ему тосковать
корабли привезли печаль выходи
выгодно торговать

Грибная фея

постапокалиптическая сказка

Я не из тех, кого любят
хорошие учителя,
собаки, арбузы и боги
и прочий вселенский компот.
Мне десять лет от рожденья,
мне восемь лет до нуля,
я вхожа в такие дома,
где больше никто не живёт.

Пускай то жара, то холод
и нечего надевать,
но хлеба всё же хватает
до перемены дня.
Грибные феи нас любят,
дают перезимовать.
А больше всех почему-то
они любят меня.

Мы спустились с обрыва,
я вижу круги на лугу:
рисовали их не пришельцы,
не химики, не враги.
Тёмные на зелёном —
я никогда не лгу —
это грибная фея,
это её круги.

Пройдёт ещё два года —
родится моя сестра,
семь лет — я закончу школу,
потом поступлю в институт.
Ни счастья, ни богатства,
ни прочего добра,
но — эй, дорогая фея,
скажи, ты всё ещё тут?

Я помню три конца света,
четвёртый не будет ждать.
Прибой приносит бутылки,
наполненные войной.
Сейчас дочитаю новости
и мирно пойду гулять:
возможно, грибная фея
походит ещё со мной.

* * *

Десяток лет в окно на это поле —
и ты уже не сам себе игрок,
а мерзлота предвечная, доколе
зону твоему не выйдет срок.

Десяток лет в окно на все детали
дремучей, обескровленной земли.
Вот с этого бы поля мы взлетали:
ракеты, самолёты, корабли.

Десяток лет в окно на этот похер,
на детскую больницу под дождём.
И мы друг другу в электронный покер
проигрываем и аванса ждём.

Забудь и улети к большому морю,
но холодок останется в крови,
как малярия, — неподвластный горю,
и счастьем, и разлуке, и любви.

* * *

Смейся вечности в лицо —
в циферблат её без рисков,
накупи в сельпо ирисок,
сядь на тёплое крыльцо.

Шоколад не привезут —
пропадёт твой блат без толку,
уходи-ка в самоволку
за просёлочный мазут.

Где звенит пчелиный сон,
где овражек родниковый,
где сурепке бестолковой
улыбается Бусон.

Солнце сменится луной,
в небесах похолодает.
Кто живёт — слегка страдает,
иногда черёд за мной.

* * *

С. К.

Всякий брошенный дом достаётся природе:
Крысам в подполе, серым кротам в огороде,
И жучкам в почерневшей, трухлявой доске,
И светящимся дивным грибам в уголке.

Там усталые птицы перо оправляют,
И собаки роскошные свадьбы справляют,
И всё выше ползёт по крыльцу мурава,
И под крышей кричит, пролетая, сова.

Вы же видите сами, что вам остаётся:
Только лампочка под потолком не сдаётся,
Как прозрачная груша на ветке гнилой,
Как живое присутствие славы былой.

Впрочем, вы не меня вопрошайте об этом:
Я сама стала влагой, и сушью, и светом,
Я сама превратилась и в землю, и в зной,
И малина победно трубит надо мной.

В греческом зале

Вот свет отключился, и дети сказали:
«Нам скучно, нам холодно в греческом зале!» –
и даже учитель, неведь почему,
подумал, что скучно ему.

Он сдёрнул очки, но вокруг было скучно:
народ небогатый глазел равнодушно,
музейная дева грустила в углу,
блестел пяточок на полу.

Девчонки хихикали, рожу сооронив, –
повсюду пиписьки богов и героев;
желудки урчали, зевали уста.
Он мысленно прыгнул с моста,

но выжил. А дети всё шли, вырастая,
по залу Египта, по залу Китая,
всё шли, причитая: «Нам скучно, учитель!
Нам страшно, придите и всё объясните!
Нам тошно, учитель, зовите врача!» –
музейным шёпотом крича.

Всё ныли о том, что им грустно и плохо,
покуда над ними сомкнулась эпоха;
в фальшивых бантах, в страусином пальто –
их больше не видел никто.

Ламентация о розе, или Венецианские сладости

Памяти розы, вытщенной из варенья,
я посвящаю все прошлые стихотворенья.
Не посвящаю, а так — словно в воду морскую.
Словно, себя забывая, о розе тоскую.

К памяти розы, бесславно усопшей в сиропе,
я обращаюсь в объединённой Европе,
воздух вдыхая, однако, локально-культурный:
венецианский, сияющий, слёзный, лазурный.

Памяти розы, бессвязной моей полупрозой, —
памяти розы, которая вовсе не розой
будет, ни разу не розой, а сладкой конфетой,
высушенной и в прозрачную пудру одетой.

Памяти розы, поскольку ты больше не роза.
Где же теперь обаянье её и угроза?
В том ли краю, где все розы цветут непреложно,
лучшем Венеции, если такое возможно.

* * *

Почти без багажа, почти без денег,
почти один — легко пускаться в путь.
(Так жизнь пройдёт — как ночь на понедельник,
когда боишься лечь и отдохнуть.)

Живое солнце засквозит в тумане,
и, несмотря на холод зимних дней,
тропическая мгла к щекам пристанет,
как чайный след, но мягче и нежней.

Я знаю то, что ничего не знаю:
пускай меня вращают, как магнит.
Всё крупное, что было, разменяю —
а мелочь накопилась и звенит.

* * *

Ночная кукушка дневную перекукует.
Ночная кукушка садится на спинку стула:
на штаны, которые я сложила,
и на кофту, которую я свернула,
и опускает, как в воду, жёлтые очи.

И глядит, как я проверяю время,
как ворую сама у себя конфеты,
как смотрю Альфреда Хичкока и читаю Ивлина Во,
как включаю компьютер, как составляю письма —
потому что вряд ли утром смогу нормально работать.

Ночная кукушка прижимиста и торовата,
есть у неё корабли, и чужие гнёзда,
и путь по дороге, откудова нет возврата.

А утром прилетает дневная кукушка,
у которой стабильные лёгкие перья
и на самом хвосте небольшая зарплата.

Разговор по скайпу

— А у нас сезон дождей.
А у вас?

— А у нас сезон снегов.
Здесь так просто не вернёшься —
вышел вон и был таков.

Закупился в бакалее —
заблудился по пути.
Я теперь почти жалею,
что сумел себя найти.

Новости да вести эти
от разрозненных людей.
Как же холодно на свете:
что в России, что везде!

Над рекою, за стеною
в темноте фонарь горит,
вечным холодом со мною
мир безмолвный говорит.

Мир встаёт передо мною,
как стеклянная гора.

– Значит, так: в Шэньчжэне полночь,
мне, пожалуй, спать пора.
Ночь, фонарь, сезон дождей –
в общем, всё как у людей.

Понедельник

Каждый понедельник
я надеваю новый пододеяльник.
Мама говорила, что я бездельник,
теперь то же самое говорит начальник.

И поскольку меня это слегка подзадолбало,
возоплю, подавлен и изувечен:
для чего мне надо одевать одеяло,
если я несчастен, небрит и не вечен?!

Испытан обстоятельствами и натурой,
человек с не самой нежной кожей,
я бы мог укрываться, допустим, шкурой
или ничем. Или, скажем, рогожей.

Мне отвечают справа и слева
голоса из божественного эфира:
сей пододеяльник есть священное древо,
стоящее в центре видимого мира.

Если ты встанешь и уйдёшь на кухню
допивать свой вайсбир, тогда, вероятно,
вселенная сразу и немедленно рухнет,
рай обвалится в ад, ну, или обратно.

Гарм залает громко у Гнипахеллира,
Нагльфар в царстве мёртвых отдаст швартовы,
в общем, худо будет, — говорят из эфира.

Я готов, пожалуй.
А вы готовы?

Багатель

Питахайя моя, питахайя,
я живу, понемногу порхая,
ай, папайя, Паттайя моя,
что ж ты, дурень, не видишь края?

Я живу, веселясь и бухая,
жизнь моя не такая плохая.
Я кормлю в своём сердце клопа:
я попал, куда ты не попал.

Дед Пихто с лупоглазым Попаем,
улыбаемся, друг, и копаем.
Элосы ты моя, Элосы —
ты ужасные носишь трусы.

Нет, серьёзнее быть и солидней —
пробудись, я твой лучник последний, —
что ж ты ржёшь, бессердечная тварь.
Я расстроюсь, захлопну букварь.

Ах ты трах, ох ты трах-тибидох ты:
вот он, берег, невидимый с Охты,
вот он, Родос, вот яма с песком,
вот судья с кумачовым флажком.

И зачем-то припёр я в угаре
мой букварь, мой словарь, мой глоссарий,
бестиарий простейших обид:
деньги, недруги, тромбофлебит.

Не затем ли я слышал и видел,
гнал, зависел, держал, ненавидел,
чтобы знать, что с небес, как с холста,
золотая течёт пустота?

* * *

Сердце плавает в вещах,
словно муха в постных щах, —
очень грустно, мой учитель,
понимать в таких вещах.

Ум блуждает, всюду мрак,
вы дурак и я дурак —
очень грустно, мой учитель,
понимать, что это так.

Словно в узкую тюрьму,
спуск в потутошнюю тьму —
очень грустно, мой учитель,
опускаться одному.

Ни кораллы, ни кларнет —
никаких призов там нет,
только правда и свобода,
да и то скорее нет.

Путешествие домой

1

встаю ранним утром
на ощупь
допиваю чай в котором плавают мошка
начинаю растапливать
сереющую печь

от холода лицо стало шершавым
словно лицо каменной бабы

хорошо было грекам
жизнь для них была песня
смерть весёлая переправа

хорошо цыгану
жилья не строит не моется
врёт как дышит
нипочём ему дальняя дорога

и зачем я вошёл
в эту комнату?
я забыл
а день уже начинается

2

Как растёт человек? Например, он живёт,
и как ни включит телевизор, а там Новый год.
Новый год четырнадцать дней в году,
а потом я на работу пойду.

И где здесь урвать кусочек души?
В телевизоре сказали: нужно читать.
Я послушался и читал роман «Идиот»,
но легче не стало, скорее наоборот.

Наверное, надо было жить по-другому:
не бухтеть, когда физкультурник выгонял на мороз,
делать уроки; требовать от родителей,
чтобы мы ходили в музей.

А ещё Зин Пална, биологичка,
объясняла, что лошадиное лицо принца Чарльза —
явный признак вырождения.
Она говорила об этом так уверенно,
сразу видно: человек разбирается в принцах.

Сонет

Мне кэптен говорил, как ни поспорим,
хозяин крепких слов и папирос:
поставь звезду над долгим, горьким морем,
поставь звезду над морем, о матрос.

Ну что ж, я добросовестно поставил,
а всё равно мы забрели
за тыщи ли от неба и земли,
без карты, и ветрил, и правил.

Раз мы уже промокли под дождём —
как на земле уходят в Альпы, в зимы,
давай с тобой в подводники уйдём,
к ночным садам роскошной Мелюзины,

где ходят фосфорические сны,
не видевшие солнца и блесны.

Молитва перед выходом из дома

Не обязательно уничтожать людей,
не обязательно пить их кровь.
В этой истории я не герой,
в этой истории я не злодей.

Все мы счастливы в свой черёд:
цветок на дереве, птица в кустах,
автобус придёт, боль пройдёт,
любовь побеждает страх
или не побеждает страх.

В этой империи я слаб,
но в этой империи я не раб,
даже не восставший раб.

Я могу разорвать сеть,
но не обязательно прямо сейчас.

* * *

Непогода в Шэньчжэне, как истинный мастер боя,
выбивает входную дверь, не прикасаясь к ней.
Я люблю города, как любят сады камней,
где зелёное, серое и голубое.

Выбирая пустыню, возьми погост или рынок:
там и там избавление, чувство дзенского дна.
Но и город сойдёт: супермаркет, метро, стена,
хирургический холод высотных льдинок.

А когда закипает в море далёкий шторм,
что ломает баньян и с щитов обрывает маски,
в белой горной башне заранее знают о том
и летят предупредительные эсэмэски.

Так смятённое сердце, как сильный ветер с дождём,
потрясает стены, колотит стёкла, срывает крыши:
люди смотрят на небо, говорят — подождём,
не боятся его и, привыкнув, почти не слышат.

* * *

Чужие небеса и родные просторы;
первые ягоды лета, первый снег зимы;
цветы, большие и маленькие; заповедные горы;
шторма, налетающие со скоростью мысли, со скоростью тьмы;

состраданье к товарищам по смертному страху,
по круговороту белковых тел;
первое слово, последнюю рубаху;
всё, о чём я думал, чего я хотел;

детское удивление, детскую травлю;
плоды познания, опасность и игру –
всё заберу с собой, ничего не оставлю,
словно посуду в скатерть – нищий на брачном пиру.

Марина Мурсалова родилась в 1982 году в Москве. Окончила Литературный институт. Постоянный автор «Алконоста» с 2006 года. Публиковалась в журналах «Новый мир», «Знамя», «Эмигрантская лира». Лауреат премии «Дебют» (2006). Живёт в Шэньчжэне (Китай).

Издание творческого объединения «Алконось»

выпуск 51

год издания тридцатый

Главный редактор – Ольга Нечаева

Редакционный совет:

Евгений Лесин, Александр Переверзин, Алексей Тиматков,
Андрей Чемоданов

издательство «Воймега»

гл. редактор Александр Переверзин

корректор, технический редактор

Ольга Тузова

voymega@yandex.ru

alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 10.12.2019.

Формат издания 60х90/16. Усл. печ. л. 15.

Тираж 300 экз.

возрастная категория 18+

ISBN 978-5-6043511-5-4

9 785604 351154

18+

ISBN 978-5-6043511-5-4

